

Дементьев П.А.
Пека о себе, или Футбол начинается в детстве

М.: Известия, 1995. - 112 с.

От автора

12 декабря 1994 года мне исполнился восемьдесят один год. За плечами большой жизненный путь с радостями и огорчениями в детстве, фантастической популярностью в молодости, трагедией военных лет и надеждами послевоенных... С тяжелой болезнью, нищетой и почти полным замалчиванием моего имени после ухода из большого футбола.

На мою судьбу оказали прямое или косвенное влияние крупные политические деятели тех лет — А. М. Коллонтай, А. А. Жданов, Н. С. Хрущев, В. И. Сталин. Я видел вблизи С. М. Кирова и И. Б. Тито. Мне аплодировали короли и другие высокопоставленные особы. Меня приглашали в лучшие футбольные команды мира, называли «бриллиантом» и предлагали за меня миллионы.

В числе горячих поклонников моего таланта были композитор Дмитрий Шостакович, писатель Лев Кассиль, киноартист Петр Алейников, балетмейстер Леонид Яacobсон, художники Кукрыниксы и многие, многие другие...

Смотрю по телевидению унылые матчи нынешнего первенства России и спрашиваю себя: почему так потускнел футбол? Ведь я один из тех, кто стоял у истоков российского футбола, с кого начиналась виртуозная красивая игра. Кто виноват в том, что наш футбол потерял былой блеск? И как его возродить?

На эти вопросы я попытаюсь ответить в предлагаемой вам книге.

От редактора

Моему поколению увидеть на поле Петра Тимофеевича Дементьева не довелось. Да и вне поля тоже, потому как, в отличие от иных сверстников, он не стал ни тренером, ни футбольным функционером, регулярно появляющимися на телеэкране. Я увидел его впервые совершенно случайно лет шесть назад, когда беседовал в помещении ФК «Спартак» с Борисом Разинским о проблемах ветеранского футбола. Дверь кабинета отворилась, и на пороге возникла просто-таки мальчишеская фигура — но пожилого человека. Он перебросился с Разинским несколькими фразами и вышел, а мой собеседник пояснил, кивая вслед:

— Знаешь, кто это был? Петр Дементьев!

С его братом, недавно ушедшим из жизни Николаем Тимофеевичем, мне удалось познакомиться поближе, делая материал для журнала. И запомнилось из рассказа Дементьева-младшего, как в тридцатые годы вызвал Петра крупный чин ленинградского НКВД. А Петр ответил — раз ему надо меня видеть, пусть он и приезжает. Такое, наверное, мог себе позволить только человек, обладающий и всенародной популярностью, и личным бесстрашием.

А о другом случае, совсем недавнем, поведал мне Евгений Ловчев. Возглавляемое им малое предприятие помогало Петру Тимофеевичу и другим ветеранам материально, и однажды раздался звонок:

— Женя, эго Дементьев. Мне теперь «Спартак» стал к пенсии доплачивать, так что, может, вы эти деньги кому-нибудь другому предложите?

Рукопись воспоминаний Петра Тимофеевича тоже ждала непростая судьба. Его дочь Муза Петровна сделала литературную запись, были подобраны снимки, но где взять средства на издание? Несколько вариантов со спонсорами отпало, пока в роли издателя не выступило Акционерное общество «Лужники». Его генеральный директор Владимир

Алешин известный в футболе человек, входит в президиум РФС, представляет нашу страну в УЕФА, регулярно играет за сборную правительства Москвы

Петр Дементьев в своей документальной книге не подгоняет собственную точку зрения под общепризнанные положения Пусть что-то покажется читателю спорным, но тем интереснее взять книгу в руки.

Георгий Морозов

Часть первая СТРАНИЦЫ МОЕЙ ФУТБОЛЬНОЙ БИОГРАФИИ

Глава первая О детстве и о том, как я подружился с футбольным мячом

Родился я в Петрограде в многодетной семье, будучи предпоследним ребенком. Детские годы пришлось на очень трудные времена: первая мировая война, Октябрьская революция, гражданская война, разруха, голод...

Из моих одиннадцати братьев и сестер остались в живых только пятеро. Чудом выжил и я, перенеся тяжелейшую скарлатину. В памяти запечатлелось, как разрезают валенки, чтобы снять их с моих опухших почерневших ног. Тогда-то и решил отец отправить меня вместе с матерью и братом Колей, который был моложе на два года, в деревню Лыпышево к своему старшему брату Евсею. Ходить я еще не мог, и отец нес меня на руках до вокзала. Посадил нас на поезд, шедший до Гдова, а там нас встретил дядя Евсей и повез на телеге в сказочно красивые места, где среди сосновых боров, еловых лесов и разнотравья лугов затерялась деревенька Лыпышево.

Дом у дяди был небольшой, одноэтажный и стоял на берегу неглубокой речушки, не имевшей названия. Нам выделили комнату с широкой теплой печкой, на которой я спал. Здоровая пища и целебный воздух скоро поставили меня на ноги. Хотя недостаток в семье дяди был, работали все, включая сына Григория и дочь Наталью, очень похожих на своего отца — таких же высоких, здоровых и красивых. Они всей семьей сеяли рожь и овес на отведенной полоске земли за речкой, молотили зерно, отвозили его молотье на мельницу — словом, несли на себе все тяготы крестьянского труда. Дядя Евсей был к тому же искусным бондарем.

В сарае рядом с домом размещалась его мастерская, где стоял запах смолы и свежих стружек.

Я, как только окреп, стал вносить свою посильную трудовую лепту: собирал в лесу грибы, ягоды, ловил рыбу самодельной удочкой, подвязывая к ней на нитке крючок, вырезанный из сучка дерева. Особого умения здесь не требовалось, так как и ягод, и грибов, и рыбы в тех местах было вдоволь. Труднее было ездить в ночное пасти лошадей — дядину и еще двух для заработка. Платили продуктами, большей частью картошкой. Пастбище находилось у реки Плюсы, и добирался я туда не без приключений. Роста я был маленького, самому забраться на лошадь мне не удавалось: обычно меня подсаживал дядя Евсей. Беда подстерегала у овсяного поля, куда лошади забирались и не хотели выходить. Я с досады плакал, не зная, что и делать. Спасибо, выручал старший конюх — помогал вывести их из овса. А дальше была река Плюса, откуда открывался такой великолепный вид на высокий противоположный берег с домишками деревеньки Лысковщины, лесами и раздольем лугов, что просто захватывало дух. Старший конюх разжигал костер и сидел около него всю ночь, сторожа лошадей. А мы, ребяташки, спали рядом с ним у костра. В холодные ночи забирались в сарай, где хранилось сено.

Однако деревенька жила не одним трудом. Молодежь любила развлечения, разные подвижные игры, в особенности килки — игру, перенятую, судя по названию, у соседей-эстонцев. Играли в нее часто, особенно по церковным праздникам, свято соблюдаемым в

деревне. На поляне около речки собирались две команды по пять-шесть человек в каждой. Игроки одной из них выполняли поочередно удары по деревянному шару деревянной битой. Шар подбрасывал игрок водящей команды, его товарищи располагались в поле. Выполнив удар, надо было быстро бежать за своей отлетевшей битой и вернуться назад, пока кто-то из соперников не перехватит летящий шар своей битой. Чтобы не проиграть, нужна была недюжинная скорость бега на отрезке 30-50 метров и точное попадание по шару. Мне это удавалось, и меня наперебой приглашали в команду старшие ребята. Бросал биту я так резко, что водящие игроки пугались:

— Петька, да ты нас убьешь!

На что я отвечал:

— Не бойтесь, не промахнусь!

И действительно, никогда не промахивался. Если в килки играли в любое время года, то в маслянку только зимой, когда замерзала речка. Делали во льду лунки и пасовали друг другу палками деревянный шар. Располагавшийся в центре водящий игрок должен был отнять шар и занять чью-либо лунку во время перемещения остальных игроков. Эта незатейливая игра развила у меня умение вести шар, держа палку одной рукой, очень пригодившееся впоследствии в хоккее.

Дома сидеть не любил и в зимнее время. Когда трещал мороз и ребят не выпускали на улицу, катался один на санках и ледянке с горы или на коньках и лыжах по льду замерзшей речки. Санки и коньки делал мне дядя Евсей — мастер на все руки. Для коньков он брал небольшие деревянные полоски и вставлял между ними кусочки железа, ну а санки у него получались просто превосходные. Глядя на дядину работу, я изготовил себе лыжи. Взял полоски от старой бочки, набил на них кусочки кожи, валявшиеся на полу в мастерской у дяди, и соорудил лыжные крепления. Начинать кататься, когда лед на реке был еще не очень крепким, и частенько проваливался в воду. Хорошо, что речка была неглубокая, да и дом рядом. Забирался сушиться на печку, выслушивая, как мать сердито бранит меня за неосторожность. В таких случаях мою сторону всегда принимал дядя Евсей, внушавший мне ничего не бояться. Так же бесстрашно катался я с горок на ледянке. Брал у дяди Евсея пилу, вырезал из панциря реки кусок льда толщиной с полметра, садился на него и съезжал с крутого берега вниз. Кувыркался, падал, вставал, и все повторялось снова, хотя набивал себе синяки и шишки.

Любимой летней забавой было, конечно, купание в речке. Плавать, как и все деревенские ребята, научился сам. Летом ребятишкам поручали присматривать за коровами. Спасаясь от жары, коровы залезали в речку, пока вода не доходила им до брюха. Мы забирались туда, где поглубже, плавали и ныряли.

Однажды я очутился в лесу в «змеиный день», когда все деревья были просто увешаны шипящими и извивающимися гадами. Отталкивающее и одновременно завораживающее зрелище оставило в памяти неизгладимое впечатление об этих местах, как о колдовских.

Так незаметно пролетели два года. Жизнь в Петрограде понемногу налаживалась. Надо было возвращаться домой. Дядя Евсей очень привязался ко мне, просил мать оставить меня в деревне, но она не согласилась. Сам я с болью в сердце расставался с этими местами, словно чувствовал, что никогда их больше не увижу.

Когда мы вернулись в Петроград, мне было уже лет десять, но никакой грамоте меня еще не обучали — в Лыпышеве не было даже начальной школы. Пришлось ходить пешком от Смольного, в районе которого находился наш дом, в школу для переростков на Знаменской улице у Московского вокзала. Брата Колю поместили в школу такого же типа, только на улице Жуковского. После привольной деревенской жизни учеба показалась довольно скучным занятием. Из всех предметов больше всего любил математику — она давалась мне легко. В критической ситуации, когда остальные ученики были не в состоянии решить особенно трудную задачу, старенький учитель вызывал к доске меня, приговаривая:

— Ну-ка, Демеша, давай ты!

Нравилась мне также уроки рисования и черчения. А вот русский язык не любил — уж очень много приходилось учить правил. Помню, как старательно зубрил одно и то же правило на шипящие буквы Коля:

— Щи да каша — пища наша. Волки рыщут — пищу ищут.

Жилось нам в те годы очень трудно. Зарботки у родителей были невысокими. Работали они на Невской ниточной мануфактуре, построенной еще в начале века англичанами. После Октябрьской революции она перешла в собственность государства и получила название фабрики имени Халтурина, а позднее, после смерти Кирова, переименована в Прядильно-ниточный комбинат имени Кирова: И не случайно — на комбинате Киров был своим человеком. Часто приходил сюда из Смольного пешком и всегда без охраны; одет был очень просто — гимнастерка и галифе, заправленные в высокие сапоги. Его любили и знали в лицо все фабричные — и взрослые, и детвора. Завидя издали, мы выбегали его встречать, крича хором:

— Киров, Киров пришел!

А он нас смущенно успокаивал:

— Ну что, ребята, вы так кричите!

Бывшие хозяева фабрики построили для рабочих шестиэтажный дом из красного кирпича (типа общежития с коридорной системой и крохотными квартирками). Стоял он на Малой Болотной улице прямо напротив фабрики и значился под номером XI. В одной из квартир, состоявшей из комнаты и кухни, уютилась наша семья из восьми человек.

Как только дети рабочих подрастали, родители приводили их на фабрику. Здесь они проходили курс обучения, а затем занимали рабочие места, чаще всего идя по стопам родителей. Так создавались фабричные династии, в том числе и наша. Отец, Тимофей Дементьевич, поступил сюда молодым парнишкой, овладел грамотностью и специальностью в такой мере, что был назначен мастером цеха еще при хозяевах-англичанах. Мать, Фекла Федоровна, была привезена в Петербург из вологодской деревни двенадцатилетней девочкой-сиротой. Проработала на фабрике всю жизнь, страдая под старость тяжелым профессиональным заболеванием. Следом за ними порог фабрики переступили мои братья Александр и Иван, сестры Анастасия и Вера, а потом их дети и внуки. К нашей династии текстильщиков причислили впоследствии меня и брата Николая за высокие спортивные достижения, хотя мы никогда на фабрике не работали.

В развитии фабричного спорта большую роль сыграли бывшие хозяева-англичане, основавшие еще до революции «Невский футбол-хоккей-крикет-клуб» с уютным стадионом и прекрасным травяным полем. После революции какие-то головотяпы-администраторы устроили там дровяной склад. Дрова шли на отопление самой фабрики и дома, где жили рабочие, поэтому возражать было трудно. Но тяга к спорту у рабочих была так велика, что они стали проводить субботники и, не затратив ни копейки из фабричной кассы, построили рядом новый стадион. Правда, футбольное поле оказалось не столь высокого качества, как у англичан.

Этот стадион стал моим любимым местом с детских лет. Воспитывались мы, прямо скажем, по-спартански, летом спали под открытым небом, забираясь на крышу сарая. Семьи текстильщиков были, как правило, многодетными, а жилищные условия такими же стесненными, как и у нас. Поэтому на дворе и стадионе всегда было полным-полно ребятни, самым любимым развлечением которой стала игра в футбол.

Я увлекся футболом сразу же, как только увидел на поле своих старших братьев. А вот Колю долго не удавалось приобщить к спорту: футболу он предпочитал голубей. В детстве Коля был довольно тихим мальчиком, любимчиком матери. Я же, озорник, любил над ним подшучивать. Приманит, бывало, Коля чужака, а я возьму и выпущу его. Но не со зла. Просто не понимал я этой его страсти, которая, по собственному признанию брата, осталась в его сердце на всю жизнь. Да еще мне очень хотелось, чтобы Коля был рядом со мной на футбольном поле. Но, увы, он вообще не любил подвижные игры, где я всегда

верховодил. Здесь нужны были быстрота, ловкость, смелость, выносливость, которыми Коля от природы не обладал.

Взять, к примеру, такую игру, как чехарда. Играли в нее группа на группу (трое на трое, четверо на четверо): трое «водили» (держали), а трое запрыгивали. Когда прыгал последний, кричали:

— Раз, два, три — чехарда, держи!

Заметив мою великолепную природную прыгучесть, старшие по возрасту ребята старались заманить меня в свою команду, предоставляя мне прыгать последним. Мне всегда удавалось запрыгнуть и удержаться, поэтому водили мы редко.

Для победы в другой популярной у нас игре надо было обладать хорошими скоростными качествами. Согласно ее условиям один игрок располагался в центре квадрата, а четверо других — по углам. Угловым игрокам надо было быстро меняться местами, а центральному (водящему) успеть во время их перебежек занять чье-нибудь место в углу квадрата. Наши выдумки на игры были неистощимы: штандер, лапта, «попа-загоняла»... Для игр в ход шло все. Так, на стадионе стояли рядом два шеста для поднятия флагов. Мы устраивали лазание по ним на спор — кто скорей доберется до самого верха.

Однако самым любимым занятием оставался футбол. Мы, подростки, играли обычно группа на группу (двенадцать на двенадцать, пятнадцать на пятнадцать человек) на вылет. Затем делали перерыв — обязательно купались в Неве. Я обычно уходил от ребят вдоль берега к Александро-Невской лавре и оттуда плыл два-три километра в прохладной невской воде к Охтинскому мосту. Здесь они меня встречали, и мы снова шли играть в футбол. Было у нас и такое развлечение — прыгать в воду с баржи. Тогда по Неве на баржах перевозили дрова. Высота подобной «вышки» была не менее четырех метров, и, чтобы прыгать с нее, надо было обладать и ловкостью, и смелостью.

Гребной спорт освоили тоже самостоятельно. Недалеко от нашего стадиона была устроена для рабочих лодочная станция, охраняемая стареньким сторожем. Взрослые пользовались ее услугами очень редко. С разрешения сторожа мы садились в лодки и пускались в путь по Неве, гребя против течения. Пройдя на веслах определенный отрезок, возвращались на станцию.

Вот так, исподволь, я и мои сверстники, вообще-то не задумываясь о том, чтобы стать знаменитыми спортсменами, сами себя к этому готовили. Часто с нами, мальчишками, ходила купаться на Неву высокая девочка Клава Алешина. Мы жили с ней на одном этаже. Впоследствии она стала знаменитой пловчихой, рекордсменкой страны. С детства запомнился мне очень аккуратный мальчик в коротких чистых штанишках, который приходил на халтуринский стадион всегда с мамой. За это мальчишки подвергали его жесточайшим насмешкам и каждый раз норовили вывалить в грязи — уж очень нелепо он выглядел среди нашей чумазой братии. В конце концов ему поставили ультиматум — или приходи без мамы, или вовсе не приходи. Пришлось ему упросить маму не сопровождать его на стадион, после чего отношения у него с ребятами наладились. А сам мальчишка — это был Виктор Набутов — стал впоследствии прекрасным футбольным вратарем и популярнейшим спортивным комментатором.

В зимнее время мы любили играть в хоккей. В кладовках стадиона было много брошенного спортивного инвентаря, оставшегося в наследство от англичан. Мне достались жексонки с длинными закругленными носами, мешавшими быстро передвигаться по льду. Я отрезал их и гонял по катку на большой скорости. Клюшку, как и все ребята, сделал сам. Брался стебель камыша, и к нему приделывалась разломанная пополам конская дуга. Сверху наклеивалась кожаная обмотка.

На катке пропадал часами, но футбол не забывал и зимой. Пока хоккейная одежда сушилась у печки, я выходил с мячом в коридор, узкий и длинный. Молодежь частенько устраивала здесь танцы, проходившие всегда в обстановке чинного веселья. Аккомпанировал мой старший брат Александр, прекрасно игравший на гитаре и баяне. Я частенько становился рядом с ним и с восхищением следил за его пальцами, мечтая

научиться играть так, как он. Но Александр, видимо, не замечал моего интереса к музыке, а сам я не решался к нему обратиться.

В этом коридоре нам разрешалось играть в футбол. Играли арабским мячом — это такой маленький литой мячик черного цвета, по размеру чуть меньше теннисного, напоминавший голову маленького арапчонка. Устраивали матчи — трое на трое, причем к игре детворы часто присоединялись взрослые.

С футбольным мячом я не расставался никогда. Ложась спать, клал его под кровать. Успехи на футбольном поле сделали меня своего рода кумиром ребят Малой Болотной улицы. Они, кстати, и окрестили меня «Пекой». Помню, как по дороге в школу (я учился во вторую смену) меня частенько останавливали старшие ребята-беспризорники. В те годы они тоже сколачивали футбольные команды и проводили «чемпионаты» на небольших площадках во дворах. Каждая такая команда закрепляла за собой «стадион» — клочок земли между многоэтажными зданиями.

Эти ребята сразу оценили мою игру. И сколько раз повторялось одно и то же: они отбирают у меня школьную сумку и тащат играть за свою команду. Я упираюсь, говорю, что отец будет ругать меня за прогулы в школе, но все мои доводы оказываются для них совершенно неубедительными:

— Пековка, еще успеешь выучиться! А у нас сейчас очень важная игра, нам надо выиграть!

Приходилось соглашаться. Вернувшись домой, я находил в своей школьной сумке «гонорар» за выигранную встречу. Помню, что сначала я просто испугался, обнаружив деньги, — сумма была довольно значительной. Рассказал обо всем отцу, и тот приказал немедленно их возвратить. Однако ребята отказались взять деньги обратно, сказав, что я их заработал, а отцу велели передать, чтобы не совался в чужие дела. Мне оставалось только подчиниться. Однако со временем, честно признаюсь, мне понравилось иметь собственные средства — я тратил их на мороженое, сладости. Поэтому занятия в школе прогуливал с большой охотой. Проверять меня было некому — родители работали допоздна.

Футбол давал мне еще один вид заработка — «чаевые». А получал я их следующим образом. Мои старшие братья Александр и Иван частенько после работы приходили потренироваться на фабричный стадион. Среди их партнеров было несколько футболистов, приехавших из Подмосковья, в том числе Мурашов (выступал даже за сборную команду Ленинграда) и Григорий Архангельский (отец Евгения Архангельского, с которым мы впоследствии выступали за ленинградское «Динамо»), Старший Архангельский заведовал винным магазином тут же на Охте, неподалеку от нашего стадиона, а выступал за команду «Пищевкус». Единственным из подростков, которого допускали к тренировкам взрослых, был я, поскольку мог состязаться с ними на равных. Помню, во время игры дадут пас Архангельскому, а я его перехвачу. Тот ругается:

— Петька, ты что, черт, стоишь, что ли, за мной?

Обычно после тренировки меня отправляли в магазин за водкой. Архангельский давал мне записку к продавщице своего магазина и при этом добавлял:

— Купишь десять бутылок, сдачу возьмешь себе!

Получив заказ, они всей компанией шли в «Шестерку» — дом № 6 по Малой Болотной улице, где находилась пивная. Называлось это мероприятие «делать разбор игры». Такие же походы устраивались и после игр на первенство города. Порицать их не могу — они честно трудились на своих рабочих местах, были хорошими специалистами, а досуг проводили так, как им нравилось. К тому же тренировались и играли в футбол они с усердием и азартом, достойным всяческого подражания.

Глава вторая Дебют, «подобный взрыву бомбы»

Уже в детском возрасте я начал внимательно присматриваться к игре взрослых футболистов. Признаюсь, мне она совершенно не нравилась. Играли тогда по системе пять в линию. Темп был невысокий: выполняют удар по мячу и пешком идут обратно на свои места. Все это казалось мне настолько скучным и примитивным, что я начал задумываться над тем, как сделать игру интересной и красивой. Тренируясь со сверстниками, стал придумывать приемы, позволяющие подержать мяч подольше, уйти от соперника, да и вообще просто его обмануть.

Обычно технические новинки получались у меня сами собой. К примеру, вот так. Однажды мы играли во дворе, представлявшем собой небольшую неогороженную площадку с несколькими деревьями, скамейками и столом, за которым взрослые в свободное время сражались в шашки или домино. Во время игры возникла ситуация, когда преследовавший меня высокорослый парень буквально «сидел на пятках». Решение пришло мгновенно. Я пробросил мяч под стоящей справа скамейкой, а сам перепрыгнул через нее и снова завладел мячом. Не ожидая такого трюка, мой преследователь сделал попытку затормозить, развернуться вправо вслед за мной, но не удержался на ногах и упал. Подобных экспромтов, приводивших в беспомощность соперников, появлялось у меня все больше и больше.

Прямо напротив двора находилась проходная фабрики, и наша игра как-то привлекла внимание вышедших оттуда английских специалистов. В те годы их приглашали на фабрику для обмена профессиональным опытом. Большие знатоки футбола, англичане, увидев, что вытворяет с высокорослыми соперниками белоголовый мальчишка, шумно выражали свое восхищение. Стали наблюдать за мной и наконец обратились к моему отцу, с которым непосредственно контактировали на работе, дескать, не знает ли он, чей это мальчик:

— Ну, молодец! Ну, талант! Мы хотим взять его с собой в Англию!

Отец очень обрадовал их, сообщив, что всего у него четыре сына, двое старших уже играют в фабричных командах, а этот «беленький» — его третий сын. Англичане бросились целовать отца со словами:

— Ну, с вами-то, Тимофей Дементьевич, мы договоримся!

Однако тот возразил, что решать будет не он, а мать. Они направились к нам домой, но получили категорический отказ. Мать рассуждала очень просто: «У меня четыре сына, две дочери, и всех я люблю и никого не отдам!» Англичане не сдались, стали ее уговаривать не торопиться с ответом. Но все было напрасно. Тем не менее их внимание к моей игре не ослабло.

С детства футбол стал для меня самым главным занятием в жизни. В отличие от сверстников, я еще подростком стал самостоятельно работать над техникой, придумывая разные упражнения для отработки технических приемов. К примеру, ставил на футбольном поле несколько скамеек в ряд на расстоянии полутора метров друг от друга. Мягким ударом пропускал мяч под первой скамейкой, чтобы успеть к нему после прыжка через нее, проходил с мячом до второй скамейки и повторял свой маневр, и так до конца, после чего расслабленно бежал на исходную позицию. Упражнение повторял до 50 раз, отрабатывая тем самым расчетливый пас и одновременно развивая прыгучесть.

Вообще индивидуальную работу с мячом любил с детства, но только в движении. Так, жонглирование на месте считал занятием пустым и никчемным. Предпочитал ведение на скорости, с резкими остановками и завершающим ударом в цель, даже по пустым воротам. Работая с мячом, старался достигнуть его полного «послушания», недаром впоследствии болельщики называли меня «человеком с дрессированным мячом». Долгое время тренировался босиком, что тоже в немалой степени способствовало чувству мяча. Ведя мяч, старался не смотреть под ноги — понимал, что это обеспечит мне возможность наблюдать за партнерами, соперниками и действовать в соответствии с игровой ситуацией.

К тринадцати годам я овладел основами мастерства игры в футбол, что было результатом ежедневных многочасовых тренировок и постоянного совершенствования, и вскоре получил первое боевое крещение.

По соседству с нами жил Петр Григорьев, друг отца, игравший за сборную города и страны. В шутку все его называли «Капуль» за то, что он носил модную в то время прическу «А ля Капуль». В лице Петра Григорьева я застал типичного представителя петербургского футбола, который культивировался у нас в начале века англичанами: гладко зачесанные волосы, носовой платок у пояса, чистая аккуратная спортивная форма. Таких футболистов отличало корректное поведение на поле и высокая внутренняя культура. Тот же Петр Григорьев, высококвалифицированный питерский рабочий, был заядлым театралом.

Когда я повзрослел, Петр стал брать на спектакли и меня. Работал он на Выборгской стороне, куда добирался с Охты всегда пешком. Опытный футболист, Григорьев сразу оценил мои способности и долго уговаривал отца позволить мне выступать за его команду «Меркур» на первенство города. Отец не соглашался, говорил, что надо подождать годика два, дать мне окрепнуть физически, боялся, что меня сломают. Но однажды во время посещения парной бани, куда мы ходили частенько втроем, отец поддался уговорам «Капуля».

В Таврический сад на игру «Меркура» с «Коломягами» я прибыл в сопровождении целой ватаги своих болельщиков — ребят с Малой Болотной улицы. Кладовщица выдала мне бутсы — удивительно, как она нашла подходящий размер, ведь даже у меня взрослого он был небольшим, всего-то тридцать седьмой. Меня экипировали в форму меркуровцев — футболку с продольными черно-красными полосами, немного великоватую мне по росту, и длинные черные трусы.

Поначалу появление на поле светловолосого мальчишки среди высокорослых мощных игроков все приняли за шутку «Капуля». Но как только началась игра, удивлению всех не было границ. Я обведу какого-нибудь верзилу, он плюется с досады, а мои болельщики с Малой Болотной хохочут от восторга. В довершение всего я забил четыре гола в ворота коломяжцев, среди которых были такие прославленные футболисты, как Павел Батырев, Георгий Гостев, Владимир Кусков. После окончания матча ошеломленные моей совершенно новой для того времени манерой игры — высокотехничной, с быстрыми проходами к воротам соперника, точным ударом по воротам, мягким пасом, обводкой, дриблингом — футболисты стали спрашивать Григорьева, откуда он взял «этого чертенка». Тот спокойно объяснил, что «чертенок» — сын хорошо им известного Тимофея Дементьева. За «Меркур» я сыграл еще несколько раз, пока отец не сказал Петру:

— Хватит! Раз уж он прошел боевое крещение, пусть выступает за команду своей фабрики!

Тогда же отец и подарил мне первые бутсы. В молодости он играл в футбол, и, видимо, неплохо, судя хотя бы по его физическим данным. Был он среднего роста, худощавый. Из всех сыновей на него больше всего походил Николай. Мать сообщила мне по секрету, что во время игры в футбол отцу сломали руку. Не знаю, почему, но отец никогда не рассказывал мне о своем футбольном прошлом. Занятия сыновей спортом он поощрял. Когда за столом собиралась вся семья, он обычно говорил:

— Вот, ребята, водка — на столе! Но если хотите стать хорошими футболистами, не пейте ни водки, ни пива!

Однако из четырех братьев эту заповедь отца всю жизнь свято соблюдал только я. Александр, работавший на фабрике шофером, частенько брал меня с собой в поездки по городу, во время которых заходил в пивную, брал кружку водки и говорил мне:

— Вот, Петя, учись, как надо пить! Видел? Ну, поехали дальше!

Я смотрел на него, а про себя думал: «Нет, ты меня не обманешь! Я помню слова отца!» К слову сказать, несмотря на постоянные нарушения спортивного режима,

Александр играл в футбол хорошо; отлично бежал, обладал поставленным ударом по воротам. Поэтому он выступал за первую команду фабрики, а

Иван — за вторую, так как был малоподвижен и играл послабее.

Отец возглавлял на предприятии футбольную секцию, выполнял организаторские функции, присутствовал на всех матчах с участием фабричных команд. В состав секции входил также главный бухгалтер, выделявший деньги на приобретение футболок. Остальной спортивный инвентарь футболисты покупали за свой счет. Поэтому подаренные отцом бутсы я берег для игр, а тренировался по-прежнему босиком.

Наша фабрика участвовала в розыгрыше первенства города вместе с такими клубами, как «Кировский завод», «Большевик», «Электросила», «Красная Заря», «Балтвод» и другие. Популярность футбола в довоенном Ленинграде была необычайной. Любой летний воскресный день на каждом заводе был футбольным. С утра трибуны стадиона заполняли зрители и не уходили до конца всех игр, горячо поддерживая своих. Каждый клуб в первенстве города выставлял по пять взрослых команд, комплектовавшихся по уровню мастерства. Детских и юношеских команд в то время не существовало. Поэтому, чтобы играть во взрослой команде, мне, единственному в городе тринадцатилетнему подростку, было выдано специальное разрешение Ленинградского комитета по физической культуре и спорту, сохранившееся в его архиве: «Петр Дементьев, 1913 г. рождения, включается в команду в силу исключительной талантливости».

В один день мне удавалось сыграть сразу за три фабричные команды, потому что по регламенту одному и тому же участнику разрешалось выступать через игру. Сыграв за пятую команду, я сидел и смотрел матч четвертой. Затем, если игроков не хватало (что случалось постоянно), выходил за третью и опять оставался на стадионе. Оказывалось, что кто-то из состава первой команды отсутствовал, и я был наготове его заменить.

Играл я, не придерживаясь определенного амплуа, а перемещался по всему полю, забивал голы, старался помочь защитникам оборонять ворота, нападающим завязать комбинации, постоянно придумывал что-то новое как в техническом, так и в тактическом плане. На всех моих матчах неизменно присутствовали и английские специалисты — мои болельщики, выражавшие отцу восхищение моей игрой и уверенность в том, что меня ждет большое будущее.

Соревнования фабричных команд заканчивались, а мне все равно было мало. Я отправлялся играть в футбол с мальчишками, чтобы оттачивать техническое мастерство. Играли мы на узком поле с маленькими воротами, что усиливало остроту борьбы, требовало большей точности ударов и виртуозной обводки.

Футбол мне никогда не надоедал, хотя я тренировался целыми днями и даже ночами. В белые ленинградские ночи, когда спать не хотелось, потому что было светло, как днем, мы с ребятами выходили во двор. Мяч был резиновый, стука его не было слышно, и никто нас не ругал за ночные игры.

Тренировался я по-прежнему самостоятельно, потому что тренеров тогда у заводских футболистов не было. Они собирались два раза в неделю после работы на стадионе, чтобы поупражняться. Я предпочитал самостоятельные тренировки с нашими вратарями. Один из них — Иван Мехов — приходил на стадион часам к двенадцати, если работал во вторую смену, и я часов до четырех бил ему. Он обладал великолепными физическими данными: рослый, стройный, прыгучий, гибкий. Таких данных не было, пожалуй, ни у одного ленинградского вратаря, включая знаменитого Леонида Иванова, блиставшего в послевоенные годы. Движения Мехова были необычайно красивы. Он великолепно брал как верховые, так и низовые мячи. Играл Иван во второй команде фабрики, а ворота первой защищал другой классный вратарь — Георгий Шорец. Жил он неподалеку от фабрики. Начал заниматься в клубе имени Моисеенко (бывший клуб «Невский») в баскетбольной секции, но потом баскетбол ему разонравился, и он перешел в нашу секцию. Жорик, как мы его называли, был очень симпатичный парень, среднего

роста, стройный. С ним мы тоже часто тренировались. И вдвоем, и вместе с другими ребятами. Если Мехов в силу каких-то субъективных причин спустя несколько лет отошел от футбола, то с Шорцом мы не раз выступали вместе в составе сборной города и страны.

Предсказание моих английских болельщиков сбылось довольно скоро. В 1929 году я был включен в состав впервые организованной в Ленинграде молодежной сборной города, кстати, вместе с Иваном Меховым. Мы совершили турне по городам Поволжья с целью «передачи мастерства местным футболистам». Посетили Саратов, Самару, Нижний Новгород, давая показательные уроки и участвуя в товарищеских встречах со сборными этих городов.

В 1930 году я уже выступал за сборную города и сборную профсоюзов Ленинграда, а в 1933-м был приглашен в сборную СССР.

Мой дебют в составе сборной Ленинграда совпал со знаменательным для города событием — товарищеским матчем с командой из Германии. Это была настоящая профессиональная, хорошо подготовленная команда. Интерес ленинградцев к матчу был огромен. Зрители сидели вплотную на трибунах стадиона имени Ленина, стояли в несколько рядов на беговой дорожке — такое было впервые.

Я с нетерпением ждал этой встречи, но едва не лишился участия в ней из-за чрезмерной бдительности ленинградской милиции. И вот почему. Когда в сопровождении своих постоянных болельщиков с Малой Болотной улицы я появился у центрального входа стадиона, то оказалось, что моя внешность не отвечала представлениям милиционеров об игроке сборной города: уж слишком молодо я выглядел. Напрасно ребята старались объяснить, что я — игрок сборной, а они пришли за меня поболеть. Ответ был краток:

— Идите домой! Нечего вам тут делать!

Но мы так просто не сдались, решив использовать стратегическое положение стадиона. Он находился на небольшом острове и соединялся с набережной мостами. Мы задумали добраться до стадиона вплавь, подняв вещички над головой. Но милиция предусмотрела и эту возможность — все подступы к стадиону были перекрыты. Оставалось только отправляться домой. Внезапно я услышал, что кто-то меня окликает: «Пека, ты куда?» Это оказался полузащитник сборной города Паша Попов. Я все объяснил. Паша стремглав помчался за начальником команды, и таким образом я оказался в раздевалке.

Я рвался в бой, но весь первый тайм просидел в запасе. Немцы играли сильно и напористо, повели в счете. Во втором тайме подбили Мурашова, и вместо него выпустили меня. Хотя это был мой первый международный матч, никакого страха перед грозным соперником я не испытывал. Было лишь огромное желание побороться с настоящими профессиональными футболистами и показать все, что я умел. На следующий день мои действия на футбольном поле прокомментировала ленинградская газета «Спартак»: «Дементьев был там, куда бросались 3-4 «вражеских» футболиста. Он был там, где начиналась «паника» в рядах «противника». Я забил четыре гола в ворота немецкой команды и прочно занял место правого полусреднего в сборной города, а потом и страны.

Другим важным событием в моей футбольной карьере стал матч со сборной Москвы в 1932 году. Встречи москвичей и ленинградцев, составлявших цвет отечественного футбола тех лет, носили всегда бескомпромиссный характер и пользовались огромной популярностью у зрителей в обоих городах. Участвовать в таком матче было очень почетно для каждого футболиста.

Хотя я готовился к игре и был включен в состав сборной города, но... на игру не поехал. Подумал, ну что ехать, все равно ведь милиция не пропустит. Мое поведение может сейчас показаться кому-то чудачеством. Но тогда были совершенно иные условия. Перед играми сборы не проводились. Футболисты добирались до стадиона городским транспортом — своих автобусов у команд не было. Выглядели они взрослыми, иногда даже просто солидными мужчинами. По внешнему виду, в старых штанах и простой

рубашке, я никак не походил на игрока. Поэтому инциденты с милицией у ворот стадиона в первые годы моих выступлений за сборную города возникали постоянно. Предвидя это, наш хозяйственник Малинин стал встречать меня у входа.

В день игры с москвичами трибуны стадиона имени Ленина были переполнены. Вся наша команда собралась в раздевалке, а меня все еще не было. Поднялась паника. Динамовское начальство (к тому времени я был зачислен в команду «Динамо») послало за мной автомобиль. Я преспокойно гонял мяч с ватагой мальчишек, как вдруг из огромной черной машины, подкатившей к нам, выскочили два дюжих молодца, подхватили меня под руки и засунули в машину. На полной скорости, под звуки клаксона, мы помчались к стадиону, успев к началу второго тайма.

Я вышел на поле и начал действовать под ободрительный рев трибун. Особый восторг у публики вызвала моя дуэль с центральным хавбеком москвичей Федором Селиным. Этот высокорослый, мощный, по-мужски красивый футболист слыл «королем воздуха», так как до того момента не имел себе равных в борьбе за верховые мячи. Однако Федору не удалось найти оружия против меня. По образному выражению журналистов, я вел с ним игру «в кошки-мышки», переигрывая даже в воздушных дуэлях благодаря своему высокому прыжку.

О том, какое впечатление произвела моя игра на московских футболистов, много лет спустя написал патриарх нашего футбола Николай Петрович Старостин:

«Его дебют был подобен взрыву бомбы и мог поразить самое богатое воображение. Прошел всего один сезон, а Петра Дементьева знал весь Советский Союз. Он все умел и все предугадывал. Мяч, казалось, был привязан к его ногам. Быстрота, легкий пластичный бег, отточенная техника бросались в глаза даже малоискушенному в футболе зрителю». (Н. П. Старостин. «Форварды сборной» // «Наука и жизнь», 1965, № 6).

Поскольку матчи между сборными Москвы и Ленинграда были традиционными, то мы с Федором Селиным снова встретились, но уже в Москве. По дороге на стадион мои товарищи по команде Володя Кусков и Женя Елисеев, зная крутой нрав Селина, сказали мне полушутя-полусерьезно:

— Смотри, Пека, убьет тебя Федор!

Я ничего им не ответил, а про себя улыбнулся. В матче все произошло так, как я и предполагал. В момент, когда Селин, прекрасно владевший ударом через себя в падении, хотел выполнить свой коронный прием, я подбежал к нему, снял головой мяч с его ноги и на скорости унес. Это случилось настолько молниеносно, что Федор не успел среагировать и ударил вместо мяча по воздуху. «Ни одному футболисту, ни нашему, ни зарубежному, никогда не удавалось обманывать меня так легко, так постоянно и красиво, — признавался впоследствии Селин. — Происходило это потому, что в арсенале ленинградца было бесчисленное множество приемов, которые он выполнял с подлинным блеском. Петр Дементьев всегда был загадкой. Оставаясь самим собой, в то же время удивлял новизной, ошарашивал неожиданными «действиями».

Глава третья **На футбольных полях страны и Европы**

Головокружительный для такого возраста взлет все же мало повлиял на мою жизнь, так как даже в юности у меня не было тщеславного стремления попасть в сборную страны, города или хотя бы сильнейшую в Ленинграде команду «Динамо», начальство которой меня сразу же заприметило. Эта команда создавалась в конце 20-х годов под эгидой всесильного НКВД, поэтому в ней были собраны почти все лучшие футболисты города. После турне по городам Поволжья в 1929 году мне предложили играть в «Динамо», но я отказался — повлияла моя природная стеснительность, которая и в зрелые годы нередко оказывала мне плохую услугу. Но потом два представителя этого общества

пришли к отцу и оказали на него прямое давление. Испугавшись угроз и вполне реальных для того времени последствий, отец уговорил меня дать согласие. Так судьба связала меня с обществом «Динамо» почти на всю спортивную жизнь.

Своими успехами динамовская команда тех лет была обязана прежде всего вратарю Николаю Евграфовичу Соколову, переехавшему из Москвы в Ленинград для поступления в Лесотехническую академию. Приехал он уже сложившимся спортсменом, выступавшим в составе сборной Москвы и страны. Уверен, что по уровню мастерства Соколов не уступил бы лучшим голкиперам мира всех времен. Прекрасно играл на выходах, хорошо принимал низкие мячи в падении — он был поистине универсален. Его отличала еще одна важная черта, присущая высококлассным вратарям, — тонкое взаимопонимание с защитой.

И человек это тоже был очень интересный — культурный, высокообразованный. Уйдя из большого футбола после тяжелой травмы, он долгие годы проработал в лесничестве под Ленинградом. Нередко мы встречались с ним и в послевоенные годы в лесах Сестрорецкого района, где я снимал дачу для своей семьи. К старости Николай Евграфович стал болеть, но говорил мне, что у него есть лучшее средство от хвори — любимое дерево. Как только почувствует себя плохо, сразу идет к нему, и становится лучше...

Самыми колоритными фигурами в команде были, безусловно, центральный нападающий Михаил Бутусов, обладавший сильнейшим ударом по воротам (о нем речь пойдет впереди), и центральный полузащитник Павел Батырев — высокорослый, мощный игрок, который хорошо играл головой, отличался особым умением в отборе мяча. Мне, к сожалению, не удалось выйти вместе с ним на поле за «Динамо», поскольку ко времени моего прихода в команду он уже закончил играть и стал ее начальником.

Тренеров в современном понимании слова у нас не было. Нередко ко мне с просьбой потренироваться обращался Соколов. Мы приезжали с ним утром на стадион, и я бил ему по воротам несколько часов кряду. Остальное время я проводил либо на халтуринском стадионе, либо на поле Таврического сада. Тренировался целые дни напролет, так как очень любил футбол.

Зачисление в «Динамо» принесло мне несомненную пользу — курировавший команду начальник из НКВД Медведь, узнав о моих сложностях с милицией возле стадиона имени Ленина, сначала долго хохотал, а потом дал указание прекратить это «безобразия»:

— Вы что, с ума сошли? Это же мой любимый игрок!

В то время я учился в ФЗО при заводе Марти. Никакой платы за игру в «Динамо» я не получал, зато получал от Медведя подарки, хотя никогда и никого ни о чем не просил. Так, мне подарили спортивный костюм, велосипед, на котором я гонял по Малой Болотной улице, бурки, два прекрасных кожаных пальто на меху, в которых мои старшие братья приходили на стадион, чтобы поболеть за меня во время хоккейных баталий. Привозили прямо домой на машине корзины с провизией, которой кормилась вся наша большая семья...

Конечно, это вызывало чувство зависти у некоторых игроков «Динамо». Но вины моей в том не было — Медведь был поклонником футбола и ревностно следил за моими успехами.

Одно из центральных мест в спортивном календаре тех лет занимал матч трех городов Москва—Ленинград—Харьков, в рамках которого проходили и соревнования футболистов. В 1934 году победа досталась москвичам, но мы с вратарем Георгием Шорцом были награждены именными часами, на крышке которых было выгравировано: «За виртуозную технику!» Этот дорогой для меня подарок забрал брат Александр — родным я никогда не умел отказывать.

Спустя месяц в Москве состоялась встреча динамовцев Ленинграда с московскими одноклубниками. Мы разгромили их со счетом 4:0, и все мячи забил я. После игры мне

преподнесли огромную корзину цветов, а в газетах на следующий день писали в таком стиле: «Вчерашнее состязание стало настоящим триумфом Петра Дементьева, показавшего всем, кто этого еще не видел, что он футболист, обладающий огромным по силе и редкостным по точности ударом».

Репортеров стали интересоваться и подробности моей жизни, и они поспешили сообщить, что футбольная знаменитость живет в такой тесной квартире, что, когда вся семья собирается вместе, ему приходится спать «голова — на сундуке, а ноги — в духовке». Сразу после появления заметки в газете А. А. Жданов, возглавлявший в те годы ленинградскую парторганизацию, распорядился дать нашей семье новую квартиру из трех комнат на улице Чайковского. Были выделены деньги на приобретение мебели. За покупку взялся брат Александр с одним сотрудником, пропив при этом половину средств.

Кроме того, мне были предоставлены преподаватели, приходившие заниматься со мной прямо на квартиру. Но я оказался неблагодарным учеником, все время стараясь сбежать от них на тренировку. Чтобы было не скучно одному тренироваться, брал с собой брата Николая, также не проявлявшего рвения в учебе.

Партнером он был поначалу неважным. По физическим качествам — полная противоположность мне: вялый, медлительный. Но я не терял надежды, показывал, натаскивал, мечтая играть с ним вместе в «Динамо», и в конце концов добился своей цели.

После окончания сезона футболисты ленинградского «Динамо» обычно отправлялись на юг страны на полтора-два месяца. Приглашали нас для передачи опыта и демонстрации спортивного мастерства создававшимся на Кавказе футбольным командам. Мы демонстрировали, как надо выполнять различные технические приемы (пас, ведение мяча, удары), проводили товарищеские матчи со сборными командами Грузии, Армении, Азербайджана, сборной всего Закавказья. Встречали нас с чисто кавказским гостеприимством. В гостиницу, где мы останавливались, начальник команды Павел Батырев нередко приводил местных руководящих деятелей, которые всегда приносили с собой подарки — фрукты, вина. Бутылки с вином Батырев, конечно, оставлял себе, приговаривая:

— Тебе, Петечка, это нельзя!

Матчи проходили всегда при переполненных трибунах. Многие из моих кавказских почитателей стали впоследствии блестящими мастерами футбола. Среди них — Борис Пайчадзе, который спустя много лет написал: «Появление замечательного мастера обводки Петра Дементьева надо считать, на мой взгляд, явлением в нашем футболе. Помню, впервые увидев его на поле, я уходил со стадиона ошеломленным, влюбленным в маленького изящного футболиста» (Б. Пайчадзе. «Поговорим об игре индивидуальной» // «Советский спорт», 1959).

Выезжали мы и в Прибалтику, и на Украину. Повсюду ленинградцы демонстрировали высокочлассный футбол. Недавно в беседе с Николаем Петровичем Старостинным я услышал такое признание: «Ленинград научил всех играть в футбол, даже Москву!»

Свое мастерство мне удалось проверить неоднократно и в играх с зарубежными командами в составе сборной города и страны. В 1931-35 годах особенно прочные контакты установились у нас с турецкими футболистами. В 1933 году я впервые встретился с ними в составе сборной СССР в Москве. Гости произвели неплохое впечатление. За исключением высокорослого капитана и вратаря, турецкие футболисты были среднего роста, отличались хорошей физической подготовкой, быстро перемещались по полю, умело били по воротам, но заметно уступали нам в технике. Тем не менее, играли весьма корректно.

В Ленинграде матчи с турками проходили всегда ярко и торжественно. Всей командой мы приезжали на вокзал с букетами цветов, чтобы встретить гостей. В отличие от нас, одетых, прямо скажем, плоховато и вразнобой, турки были экипированы в элегантные костюмы-униформу, меняющуюся каждый год. Так, в 1933 году она состояла

из серых брюк и синих пиджаков. В дополнение — береты, галстуки и коричневые туфли. После торжественной встречи на вокзале их размещали в лучшей гостинице города «Астории». Приезд турок в Ленинград в 1933 году был отмечен выпуском специального фотоальбома, который хранится у меня и поныне.

Культурная программа их пребывания включала экскурсии по памятным местам города, поездки в знаменитые пригороды — Пушкин, Петродворец, Павловск. После игры обязательно устраивался банкет, который я никогда не посещал из-за отсутствия всякого интереса к подобным мероприятиям.

Обескураженная серией поражений турецкая сборная (в Ленинграде мы не проиграли ей ни одной встречи) приехала на следующий год в усиленном составе. Мне же удалось забить в ворота турок очень красивый, по словам очевидцев, гол. Я сделал рывок, обвел несколько соперников, ворвался в штрафную площадку, и мяч, ударившись о штангу, влетел в сетку. Ворота соперников защищал очень высокий вратарь Неждет, с которым я успешно вел единоборство. После игры в газете появился дружеский шарж, подчеркивавший нашу с Неждетом разницу в росте, и очередная порция похвал: «Это не просто игрок сборной Ленинграда, сборной СССР — это действительно необычный по классу игрок, сочетающий в себе все качества: изумительную подвижность, безукоризненную, доходящую до виртуозности технику».

В 1934 году сборную Ленинграда пригласили провести серию товарищеских матчей в странах Скандинавии. Сначала мы отправились поездом в Финляндию. Хельсинки, где проходила первая игра, очень походил на Ленинград своей архитектурой и зеленью парков. Трибуны 50-тысячного стадиона, сходного по конструкции с нашим стадионом имени Ленина, были переполнены. Финские болельщики восторженно приветствовали футболистов, хотя их соотечественники играли слабовато. После игры нам предоставили возможность совершить двухчасовую прогулку по городу, и я истратил суточные, рассчитанные на все турне по Скандинавии, на весьма полезные для себя покупки: прекрасное драповое пальто с кушаком, которое можно было носить во время холодной ленинградской зимы, серую шерстяную кепку и предел моих мечтаний — черные лакированные туфли.

Из Финляндии мы отправились в Швецию, которая произвела на меня самое сильное впечатление. Игра со шведской сборной проходила на Королевском стадионе в Стокгольме в присутствии титулованных особ и нашего посла Александры Михайловны Коллонтай. Они сидели в закрытой ложе, которая была только здесь. Остальные скандинавские стадионы выглядели гораздо проще. Игра получилась очень интересной, потому что сборная Швеции была самой сильной из команд, с которыми нам пришлось встречаться во время поездки. Играли шведы грубо и резко, впрочем, как и остальные скандинавские команды. Несмотря на небольшой рост, мне удавалось в той игре обыгрывать сразу по несколько противников за счет финтов, обводки, высокого прыжка при игре головой. Хорошо запомнился эпизод в штрафной площадке противника. Я обманул одного шведского защитника и готовился пробить по воротам, но тот, уже лежа на земле, схватил меня рукой за ногу. Последовал пенальти, который я спокойно реализовал. А к моему «обидчику» подбежал другой швед, наблюдавший за этим эпизодом, и, смеясь, похлопал его по плечу. Мои действия высоко оценила шведская пресса, назвав меня «бриллиантом» футбола и подчеркнув, что «отобрать у Дементьева мяч так же трудно, как и провести мимо него».

Пребывание в Швеции закончилось банкетом в честь нашей команды, на котором присутствовала Коллонтай. Я сидел от нее не очень близко, но помню, что выглядела она, как королева — красивая и величественная. Во время банкета один из шведских бизнесменов вдруг поднялся из-за стола и сказал, указав на меня:

— Этого парня мы покупаем за любую цену!

Я испугался, вскочил, чтобы отказаться. Но сидевший рядом со мной Бутусов сразу же одернул меня:

— Сиди!

А за меня ответила Коллонтай:

— Мы людьми не торгуем!

Замечу попутно, что большие суммы предлагали за меня различные зарубежные футбольные клубы Ленинградскому комитету по физкультуре и спорту (об этом доверительно поведал мне уже после войны близкий родственник тогдашнего его председателя), но неизменно получали отказ. От меня же подобные предложения просто скрывали.

Последним пунктом нашего Турне была Норвегия. У сборной страны мы выиграли 2:0, и оба гола забил я. Сборную Драммена победили со счетом 9:2, а напоследок обыграли сборную Осло тоже крупно — 9:0. Из Осло отправились обратно в Ленинград пароходом. Мой старший товарищ по команде Петр Григорьев, совершавший подобное турне уже во второй раз, позвал меня на палубу полюбоваться выступавшими из темно-синей глади океана айсбергами. Зрелище, действительно, было захватывающим.

Если со скандинавскими командами мы справились довольно легко, то в игре с чехами, состоявшейся в Ленинграде 5 сентября 1935 года, фаворитами были гости. В состав сборной Праги входили игроки нескольких профессиональных клубов, считавшихся одними из лучших в Европе. Первый тайм принес успех гостям, когда мощным ударом чешский форвард Сильны послал мяч в ворота Шореца. Но второй тайм прошел при полном преимуществе нашей команды. Я непрерывно атаковал ворота чехов, которые защищал Тихи. Наше единоборство с Тихи выглядело, по мнению журналистов, как дуэль Давида с Голиафом: «Гигант-вратарь, как подкошенный, падал в ноги маленького форварда, вырывая мячи». После острого прохода к воротам чехов я выкатил мяч на находившегося в выгодной позиции Бутусова, и тот своим коронным ударом послал его в «девятку». Спустя несколько минут, также с моей подачи, он забил второй мяч в ворота пражан. Лишь за 45 секунд до окончания встречи чехам удалось сквитать счет после подачи углового.

На этой игре присутствовал юный Всеволод Бобров, который описал свои впечатления, будучи уже признанным мастером. Особенно ему запомнился следующий эпизод: «Маленький Пека бежал на скорости с мячом, а буквально по пятам его преследовал длинноногий чех. Все ждали, что вот-вот он настигнет Пеку и отнимет у него мяч, и вдруг на моих глазах произошло невероятное. Пека резко ушел в сторону, применив свой двусторонний финт, а чех, покачнувшись, упал на поле. Стадион взорвался от хохота».

После игры в беседе с советскими журналистами капитан сборной Праги Сильны сказал, что ленинградская команда, несомненно, может быть поставлена на один уровень с лучшими клубами Англии, Чехословакии, Австрии, и добавил в отношении моей игры: «Ваш Дементьев украсит любую команду мира». Юрий Коршак в очерке «Пека» («Нева», 1968, № 3) так комментирует слова Сильны: «Вряд ли это было комплиментом. В команде чехов выступали несколько вице-чемпионов мира, и никто из них не мог раскусить финты и дриблинг ленинградца».

Глава четвертая **Правда о «Пекиных бутсах»**

Популярность пришла ко мне сразу после первого выступления в составе сборной города. Домой после матчей никогда не удавалось выбраться тайком. Огромная толпа провожала меня от стадиона имени Ленина до Невского проспекта, где я со своими постоянными спутниками с Малой Болотной улицы садился в трамвай и ехал к себе на Охту.

Ажиотаж был во всех городах, куда приезжала наша команда. Помню, как после одной игры меня окружили шахтеры Донбасса — просили сфотографироваться на память. В Днепропетровске с такой же просьбой обратились артисты местного театра оперетты, и эту фотографию я храню и поныне. Не скажу, что все артисты были от меня без ума. Среди них были и снобы, относившиеся с высокомерием к спорту вообще. Приходили они на стадион больше из любопытства, а потом с горечью признавались: «Да, я вот народный артист, но мои спектакли смотрят лишь сотни зрителей, а Пекины — десятки тысяч». Другие же признавали мое искусство сразу и безоговорочно. Так, завсегдаемыми трибун стадиона имени Ленина были популярнейшие киноартисты Зоя Федорова и Петр Алейников, артисты балета Мариинского театра, театра драмы имени Пушкина во главе с великим Николаем Симоновым, композиторы Вано Мурадели и Дмитрий Шостакович и многие, многие другие.

О Шостаковиче хочу сказать особо. Сейчас, когда композитора уже нет в живых, некоторые относятся скептически к утверждениям, что Шостакович любил футбол. Однако в одной из недавних телепередач показали найденные среди нотного наследия великого композитора таблицы розыгрыша первенства страны по футболу, вычерченные и заполненные его рукой. Страстный поклонник этой игры, Шостакович не пропускал ни одного матча с моим участием в Ленинграде, а если выдавалась возможность, то и в других городах.

Моим поклонником был и популярнейший киноартист Петр Алейников. Помню одну из встреч с ним в маленьком клубе на втором этаже встроеного в трибуны стадиона «Динамо» здания. Тогда на экранах прошел с большим успехом фильм «Путевка в жизнь» (кстати, после него ленинградского динамовца Валентина Федорова окрестили «Мустафой» — чем-то внешне он напоминал этого героя). Алейников признался, что он очень любит футбол и давно мечтал о встрече с динамовцами. Перед нами предстал привлекательный парень с удивительно красивыми глазами и доброй открытой улыбкой. На мое заверение, что фильм с его участием мне очень понравился, он только улыбнулся.

Но моими самыми горячими поклонниками были, безусловно, мальчишки. Одни из них видели во мне пример для подражания, приходили на стадион учиться, как тот же Всеволод Бобров:

«Когда я приходил домой после просмотра игр с участием Петра Дементьева, мне самому хотелось повторить его приемы, но ничего не получалось. То ли рост у меня был выше, то ли вес больше, то ли просто не было такой феноменальной скорости. Но я был моложе Пеки и упорно продолжал ходить учиться на игры с его участием».

Другие болельщики просто восхищались моим мастерством, оставаясь почитателями на всю жизнь, как например, художники Кукрыниксы: «Когда кончалась тренировка ленинградских динамовцев и футболисты направлялись на пляж, за ними шли толпы болельщиков, и самый большой «хвост» был у Пеки, как любовно его называли. Несмотря на свой небольшой рост и заливатскую челку, Пека нам казался самым совершенным человеком на земле. За кажущейся легкостью и большим природным дарованием этого футболиста были годы упорных тренировок, которые и привели его к такому совершенству».

В том, что популярность футбола была во много раз выше теперешней, нет ничего удивительного. Она связана не только с уровнем мастерства. В те годы футбольный матч был событием большого культурного значения, к которому хотели быть причастными все: артисты, писатели, военные, ученые, композиторы, рабочие — словом, люди всех профессий и всех возрастов, мужчины и женщины. Московский динамовец Михаил Якушин вспоминал: «Когда в довоенное время в Москву приезжало ленинградское «Динамо», за которое играл Петр Дементьев, многие, даже очень далекие от спорта люди металась по городу в поисках лишнего билетика, обзванивали всех знакомых, умоляя достать билетик на «Пеку», словно речь шла о какой-то театральной знаменитости. Даже им было ведомо, что они увидят на поле ярчайший спектакль, так сказать, театра одного

актера». («Олимпийская панорама». 1983. № 2). Так же трудно было достать билеты и на игры сборной страны, ибо раскупались они заранее.

В составе сборной мне удалось сыграть с целым рядом зарубежных команд. К сожалению, подобные встречи проводились нечасто, но тем интереснее было участвовать в них. Класс игры зарубежных команд в целом был, на мой взгляд, выше, чем у нас, но неудач нашей сборной не припомню. Прежде всего потому, что среди моих партнеров было немало ярких индивидуальностей, способных взять игру на себя и переиграть чуть ли не половину команды гостей. Советских футболистов отличала великолепная физическая подготовка, причем она была гораздо выше, чем у зарубежных мастеров. Ну и, наверное, еще огромное желание победить, хотя никакой платы за выступления игроки сборной не получали. Все мы где-то работали. Перед проведением матча освобождались от работы на пару-тройку дней, получая вызов из Всесоюзного комитета по физической культуре и спорту.

По приезде в Москву иногородних футболистов размещали на стадионе «Динамо» в маленькой гостинице, где кроме нас, временных постояльцев, жили и спортсмены, ждавшие свою очередь на жилплощадь в столице. В их числе — знаменитый боксер Виктор Михайлов, с которым я тогда очень подружился. На этом стадионе футболисты сборной готовились к встречам с зарубежными командами. Тренеров у сборной не было. Распоряжался делами начальник команды, снабжавший нас мячами и формой. Тренировались в основном самостоятельно. Кто бил по воротам, кто делал пробежки по полю с мячом. Потом играли поперек поля, но большую часть тренировки составляли двусторонние игры (восемь на восемь, девять на девять — запас у сборной был большой) на протяжении двух с половиной часов и более. Иногда устраивали встречи сборной с клубными командами.

Состав сборной на протяжении тридцатых годов менялся постоянно, исключение составляли разве что братья Старостины, прочно закрепившиеся на своих игровых позициях. Для большинства же находились опасные конкуренты, превосходившие их либо в технике, либо в скорости. В начале тридцатых за сборную выступали футболисты из разных городов: москвич Станислав Леута, харьковчане Иван Привалов и братья Фомины, защитник Константин и полузащитник Николай и другие. В 1935 году сборная уже большей частью состояла из московских динамовцев. Интересно, что Василий Смирнов — лучший игрок своей команды, в «Динамо» играл правого полусреднего, а вот в сборную был приглашен на место центрального нападающего. На левом краю играл Сергей Ильин, в полузащите — Александр Ремин, в защите — Виктор Тетерин и Лев Корчебоков. У сборной была, как теперь говорят, «длинная скамейка» вратарей: киевлянин Антон Идзковский, москвич Иван Рыжов, ленинградец Георгий Шорец.

Независимо от клубной принадлежности, отношения между игроками сборной неизменно оставались дружескими. Не было ни зависти, ни нездорового соперничества. В свободное от тренировок время всей командой посещали московские театры, больше драматические. Билетами снабжал нас заядлый театрал Андрей Старостин, достававший деньги на их приобретение благодаря своей изобретательности. Будучи человеком азартным, он водил нас на ипподром, находившийся неподалеку от стадиона «Динамо» на Беговой улице. Мы складывались, отдавали ему деньги, и он ставил на какую-нибудь лошадь. В случае выигрыша, что было нередко, ибо Андрей слыл знатоком в этом деле, он покупал нам билеты в театр. С ним мы побывали в Большом театре на опере, посещали спектакли Малого театра.

В составе сборной страны я совершил в 1935 году поездку в Турцию. Эта поездка занимает особое место в моей биографии по двум причинам. Во-первых, она описана в книге Льва Кассиля «Турецкие бутсы», позже переименованной им в «Пекины бутсы». Адресована она была детям и представляла собой смесь были и небылиц. Однако написанная о футболисте, находившемся в то время в зените славы, книга принесла огромный успех автору и пользовалась большой популярностью у всех любителей

футбола. Хорошо помню, что летчик Анатолий Ляпидевский, участник спасения челюскинцев, спрашивал в одном из интервью по радио у Кассиля, когда же будет продолжение книги. Лестно, конечно, было читать написанное о тебе искренне и в доброжелательной форме, но эта книга не удовлетворяла, разумеется, ни меня, ни Льва Кассиля в содержательном плане. Мы собирались написать с ним сообща большую серьезную повесть о моей жизни, но осуществить это намерение так и не смогли.

Поездка запомнилась мне и потому, что выезды сборной страны за границу были в то время большой редкостью. Участвовать в них было очень почетно. Из ленинградцев кроме меня в состав вошли нападающий Владимир Кусков, вратарь Георгий Шорец, полузащитники Борис Ивин и Валентин Федоров.

Капитаном сборной был Александр Старостин — защитник высокого класса, умный и тонкий стратег. Место центрального хавбека занимал его брат Андрей — цепкий, резкий, жесткий футболист, прекрасно игравший головой, чрезвычайно сильный в отборе мяча. Нередко он подключался и к атакам. К слову сказать, московский «Спартак», за который выступали Старостины, славился именно своей защитой. Поэтому оба брата — старший Николай к тому времени уже закончил выступления в футболе — и были делегированы в сборную СССР.

В Турцию нас доставил пароход «Чичерин». Стамбул, где состоялись первые две встречи, запомнился чистыми и зелеными улицами, а вот футбольное поле оставило удручающее впечатление. Как и на других турецких стадионах, оно почти не имело травяного покрова, было очень жестким. Тем, кто плохо владел мячом, приходилось трудновато, особенно когда надо было «вытаскивать» мяч из образовавшихся на поле ям. Мне это не мешало — ведь я с детства привык играть на неровностях. Благодаря небольшому весу и высокой технике владения мячом я спокойно обходил подобные препятствия, не застревая, в отличие от грузных игроков.

Затем мы провели два матча в Анкаре. Во втором произошел такой эпизод. Наши подавали угловой. Я в прыжке хотел пробить головой, но вдруг турецкий защитник ударил меня в глаз кулаком. Удар был так силен, что меня унесли с поля на носилках.

В Измире, где проходили еще две встречи, я сначала на поле не вышел и стоял в проходе трибун со Львом Кассилем, который был откомандирован с нашей сборной в Турцию в качестве специального корреспондента газеты «Известия». Диктор объявил составы команд, и тут на трибунах начало твориться что-то невообразимое. Полтора тайма болельщики непрерывно скандировали: «Товарищ Тонтон, товарищ Тонтон!» («тонтон» означает по-турецки «маленький»), требуя, чтобы я вышел на поле. Не поняв в чем дело, я спросил у Кассиля, почему турки так сильно кричат. Кассиль объяснил. Я стоял в раздумье: «Может, все-таки выйти?» Однако Кассиль категорически отсоветовал это делать, напомнив о моей травме.

Измир, как и Анкара, не произвел на меня особого впечатления — обычные промышленные города с заводскими трубами, совсем не то, что яркий, праздничный Стамбул. В последнем матче я снова вышел на поле. У турок прекрасно играли как защита, так и нападение. Однако они, обладая хорошими скоростными качествами, уступали нам в технике. Ко мне персонально был прикреплен капитан турецкой команды. В той игре блестяще действовал вратарь Неждет. Однажды, когда я выполнял удар по воротам, он снял мяч у меня прямо с ноги. Все-таки мне удалось забить ему гол. Тренер сборной Турции в интервью корреспондентам газеты «Красный спорт» особо выделил игру братьев Старостиных и мою.

В Турции меня запомнили надолго. Уже после войны, когда я выступал в составе ленинградского «Динамо», в город на Неве приехал кто-то из бывших турецких соперников, ставший крупным спортивным функционером. Он встретился с Бутусовым и настойчиво расспрашивал обо мне. Тот ответил, что жив, мол, и еще играет. К сожалению, мне своевременно не сообщили о приезде турецкого футболиста, а то я бы с удовольствием с ним побеседовал. Гораздо позже в Турции побывал ленинградский судья

Анатолий Иванов и рассказывал, что турки обо мне по-прежнему помнят, восхищаясь моим мастерством.

Но вернусь к поездке, описанной в книге Льва Кассиля. Некоторые черты моего характера он подметил верно. Действительно, я был очень наивен и простодушен. Правда, что мог двенадцать часов проспять, а потом двенадцать часов промолчать. Что касается бутс, так сказать, собирательного героя книги, то я их в Турции не покупал по одной простой причине. Сэкономленную на суточных крохотную сумму денег израсходовал на покупку, на мой взгляд, хорошего костюма, но, разумеется, не экстрамодного. Костюмов у меня тогда еще не было, а для поездки в Турцию нашей сборной сшили серые в полоску пиджаки. Однако по приезде в Ленинград я остался и без костюма, и без пиджака. Костюм у меня выпросил парень с халтуринской фабрики, живший неподалеку, — дескать, такие костюмы сейчас не в моде. По прошествии многих лет признался, что надул меня, а костюм оказался таким прочным, что он и сейчас его носит. Серый в полоску пиджак «отняли брат Николай. Его руки были гораздо длиннее моих и вылезали из рукавов, но это позволяло ему выдавать себя за игрока сборной СССР. Я слегка посмеивался над ним за это, но прощал, потому что любил его больше всех братьев.

Из Турции мы возвращались тем же пароходом. Когда выходили из порта, погода стала неожиданно портиться: подул сильный ветер, разыгрался шторм, судно сильно качало. Укачало и меня. Мне вдруг захотелось посмотреть, что же творится на море, почему все так встревожены. Я поднялся к люку, ведущему на верхнюю палубу, и хотел его открыть. Тут подскочили моряки и оттащили меня с криком:

— С ума сошел, тебя сейчас же смое!

Шторм продолжался. Внезапно вышло из строя рулевое управление судна. Нас болтало в море двое суток, пока, наконец, не выбросило на песчаную банку у берегов Румынии. Представители нашего полпредства в Румынии связались по радио с Одессой и запросили спасательное судно. Нам предлагали помощь иностранные суда, но требовали за это солидное вознаграждение. Мы отказались, учитывая, что это было бы обременительным для нашей страны. Три дня мы прожили на полузатопленном пароходе. В конце концов спасательное судно пришло, и мы благополучно прибыли в Одессу. Соотечественники по достоинству оценили наше поведение. В Одесском порту нас встречали тысячи людей.

По многочисленным просьбам местных болельщиков уже на следующий день мы вышли на поле, чтобы сыграть матч со сборной Одессы. После перенесенной качки я чувствовал себя неважно, но отказаться было нельзя. В Одессе в то время сложилась очень хорошая команда. Ворота защищал прекрасный вратарь Николай Трусевич, великолепно игравший на выходах. Были в команде и другие игроки высокого класса, в частности защитник Иосиф Лившиц. В этой игре я забил гол, о котором долгие годы вспоминали одесситы. Где-то в пределах центральной линии поймал мяч на голову и, жонглируя им, на скорости прошел между двумя одесскими защитниками. Трусевич выбежал мне навстречу. Но едва заметным движением я перебросил мяч через него, обежал не ожидавшего такого трюка вратаря, снова поймал мяч на голову и так на голове внес его в ворота одесской команды.

На следующий день в «Красную гостиницу» пришли артисты Одесского оперного театра, разыскали номер, где я жил вместе с Ивиным и Шорцом, и упростили меня сняться с ними на память у здания театра. Я согласился. Они обещали прислать мне фотографии, но, к сожалению, я почему-то их не получил.

На вокзале в Москве, куда мы прибыли поездом из Одессы, нас встречала целая делегация во главе с тогдашним председателем Всесоюзного комитета по физической культуре и спорту. Это было последнее довоенное выступление сборной СССР, которую вновь собрали только в 1952 году. Кстати, во встречах с турками также наступил длительный перерыв, связанный с ухудшением отношений между нашими странами.

Глава пятая

Поет, звенит веселый лед

В 1936 году Всесоюзный совет по физической культуре и спорту постановил разыгрывать титул чемпиона страны среди лучших клубов. С началом розыгрыша первенства СССР статус футболистов изменился. Если до 1936 года играли бесплатно, то теперь игрокам, независимо от уровня мастерства, стали выплачивать небольшую зарплату, одинаковую для всех. К тому времени я женился и поселился с женой в предоставленной мне небольшой квартире в красивейшем уголке Ленинграда — на набережной Мойки, недалеко от Исаакиевской площади.

Футбольная жизнь стала насыщеннее. Мы выезжали на игры во многие города, и везде тамошние власти приглашали играть за местный клуб, суля всяческие блага. Так, в Одессе обещали поселить в лучшей гостинице города и вообще исполнять все мои желания. Я просто так, в шутку, не задумываясь о последствиях, давал согласие всем подряд.

Однако кто-то из моих недоброжелателей — футболистов «Динамо», в обязанности которых входило доносить все начальству, — преподнес это в ином свете Заковскому, сменившему к тому времени Медведя в руководстве НКВД. Опасаясь, что я действительно приму такое решение, Заковский, как он сам выразился, «сдал меня в танковую школу НКВД для прохождения воинской службы». Мне, привыкшему к полной свободе, такой оборот дел совершенно не понравился, тем более, что все ленинградские футболисты при прохождении воинской службы жили дома и спокойно ездили на тренировки.

Очутившись в казарме, я стал демонстративно выражать свой протест — лежал, на койке и отказывался ходить в столовую. Узнав об этом, начальник школы Атабеков приказал носить мне пищу прямо в казарму. Армейский повар, мой болельщик, готовил специально для меня мясные котлеты огромного размера, так что я стал заметно прибавлять в весе. Вскоре мне и это надоело, и я, перемахнув через забор, сбежал к жене, благо школа находилась рядом, на Мойке. Меня хватились и вернули обратно. На вопрос Атабекова, почему сбежал, я ответил, что хочу жить дома, и если мне это не разрешат, то не буду играть за танковую школу на первенство военного округа. Последовала резолюция:

— 20 суток гауптвахты! И пешком в комендатуру!

Последние слова относились к сопровождающему красноармейцу, ревностно выполнявшему все приказания начальства. Мы отправились в комендатуру, находившуюся на углу Садовой улицы и Невского проспекта.

Увидев меня, комендант скомандовал сопровождающему:

— Кругом! Приедешь за ним через 20 суток!

Когда тот удалился, он обратился ко мне:

— Иди, Пека, домой и сиди там 20 дней, а потом пораньше приходи в школу.

Я так и сделал. Находился дома, тренировался на стадионе, куда меня регулярно возили на машине, а по прошествии срока вернулся и доложил Атабекову, что прибыл с гауптвахты. Своего сопровождающего я чуть-чуть опередил, а тот, когда явился вслед за мной, опять переусердствовал и на вопрос Атабекова, сидел я или не сидел на гауптвахте, ответил двусмысленно:

— Сидел, товарищ начальник, и не сидел!

И за это получил, в свою очередь, 20 суток гауптвахты.

Признаюсь, со службой в армии у меня не все ладилось, хотя был отличником по физической подготовке. Так, во время учений чуть не остался без пальцев на руках: неосторожно захлопнул крышку люка, залезая в танк. С техникой я всегда был не в ладах...

Перед началом первенства страны я вместе с командой выехал на тренировочный сбор, проводившийся на юге. Мы активно занимались физподготовкой, бегали кроссы по берегу Черного моря, работали над техникой, проводили двусторонние игры. Тренировались два раза в день, утром и вечером. В перерыве между тренировками мои коллеги отправлялись отдыхать в гостиницу. Я же, чтобы не расслабляться, оставался на берегу моря. В отличие от других футболистов, предпочитавших послеобеденный сон, твердое правило «не спать после обеда» я соблюдал и в дни календарных матчей. Когда они проводились на выезде, я шел в какой-нибудь садик и отдыхал перед игрой на свежем воздухе.

В тот год состав ленинградского «Динамо» значительно обновился. Из команды ушли все возрастные игроки. Вообще-то для команды это не было большой потерей, так как класс ушедших (Егоров, Гуськов, Попов, Юденич) был невысок, хотя пришедшая им на смену молодежь поначалу не имела соревновательного опыта.

Место центрального полузащитника в команде занял Борис Ивин. Играл он грамотно, надежно, хорошо подстраховывал вратаря и партнеров в обороне. Этот рыжеволосый, спокойный, всегда подтянутый парень пользовался всеобщим уважением в команде. Будучи шофером по профессии, он обычно уезжал зимой в Одессу, работал там таксистом и одновременно тренировался вместе с местными футболистами. К началу летнего сезона он неизменно возвращался в Ленинград и занимал свое место в «Динамо» и сборной города.

Борис был старше меня на семь лет, мы были с ним дружны. Он звал меня с собой в Одессу — жить в гостинице и тренироваться в футбол, но я предпочитал играть зимой в хоккей. До моего прихода в сборную города Борис играл на месте правого полусреднего, а когда это амплу досталось мне, он отодвинулся назад, где по-настоящему смог проявить себя: скоростных качеств, необходимых для нападающего, ему все-таки не хватало.

Моим другом был также Василий Епишин. Родом из Подмосковья, он проходил в Ленинграде воинскую службу и одновременно выступал в составе «Динамо» на месте правого защитника. Среднего роста, спокойный, уравновешенный, Василий был неплохим футболистом: прекрасно играл головой, хорошо бил с обеих ног, обладал чувством партнера во время игры. На выездах мы всегда жили с ним в одном номере гостиницы. Когда мне не хотелось идти в ресторан обедать, он приносил еду прямо в номер и вообще всячески обо мне заботился, добровольно взяв на себя роль моего опекуна. Теперь его уже нет в живых, но я всегда с большой теплотой вспоминаю о нем.

А вот другого игрока — правого крайнего нападающего Николая Светлова — добрым словом помянуть не могу. В моей судьбе он сыграл роковую роль. В «грязной» игре с московскими динамовцами в 1937 году, о которой речь пойдет дальше, я выкатил мяч под удар Николаю, находящемуся в выгодной голевой ситуации. Вместо удара по воротам он, достаточно опытный игрок, неожиданно струсив, возвратил мяч мне, зажатому между двумя игроками противника. Последовал перелом руки и ноги.

На месте полусреднего нападающего выступал Борис Шелагин. Он работал слесарем на стадионе «Динамо», как позже и мой брат Николай. Скоростными качествами Борис не обладал, был немного тяжеловат, но игру понимал великолепно. Техничный игрок, симпатичный парень, он был отличным товарищем. Веселый, компанейский, страшно любящий розыгрыши, он не боялся подшучивать над такими признанными авторитетами, как Батырев и Бутусов.

С обязанностями правого полузащитника успешно справлялся Дмитрий Карев (кстати, его дочь была замечательной исполнительницей русских романсов). Его отличали точный пас, хороший удар по воротам, умение «питать» нападающих и справляться с обязанностями персонального опекуна.

Нельзя сказать, что в команде все игроки были равноценными по мастерству. Были и слабые, как, например, центральный нападающий Александр Кряжков, не шедший ни в какое сравнение со своим предшественником Бутусовым, или тот же Виктор Федоров —

высокорослый красавец-блондин, любимец женщин, прозванный за свою внешность «Геркулой» (видоизмененное имя греческого героя). В футбол он, прямо скажем, играть не умел, хотя в русский хоккей играл хорошо.

В таком составе динамовцы открыли первый чемпионат СССР в матче с московским «Локомотивом» при переполненных трибунах стадиона «Динамо» в Ленинграде. Уже на первых минутах москвичи провели мяч в наши ворота — плохо действовала защита. Однако вскоре мы забили ответный гол. Москвичи играли жестко, особенно доставалось мне, действовавшему в своей обычной манере: «Как всегда виртуозен Дементьев. Он с изумительной легкостью обводил трех игроков «Локомотива». Этот газетный отчет об игре, строки из которого я здесь привел, сопровождался великолепным дружеским шаржем, к сожалению, у меня не сохранившимся. На рисунке я изображен в окружении трех соперников, пытавшихся сделать мне «коробочку». Атака железнодорожников закончилась для них печально: я применил свой излюбленный прием — двусторонний финт, пробросил мяч между ногами двух атакующих меня сбоку игроков и юркнул мимо. Все трое (двое атакующих сбоку и один сзади) столкнулись лбами (на шарже были изображены сыплющиеся из их глаз искры). Мы победили «Локомотив» со счетом 3:1.

В первенстве страны 1936 и 1937 годов Ленинград выставлял в группе «А» две команды: «Динамо» и «Красную зарю». К чести ленинградского футбола тех лет, ни в одной команде, включая выступавшие в группе «А» позже «Электрик», «Зенит», «Сталинец», «Спартак», не делалась ставка на привозных игроков. Пополнение команд мастеров шло за счет производственных коллективов, являвшихся в те годы настоящей кузницей талантов.

В довоенные годы футбольный календарь не был так насыщен, как теперь. Манежей также не было, и, чтобы сохранить хорошую спортивную форму, почти все футболисты зимой играли в хоккей с мячом, часто привнося в него из футбола манеру, тактику, свой индивидуальный стиль. Игра в хоккей была полезной и с точки зрения чередования физических нагрузок — загруженные в футболе мышцы здесь расслабляются и, стало быть, отдыхают.

Мне представляется, что футбол и хоккей с мячом — родственные игры: одинаковые размеры поля, то же число игроков, сходство в основных положениях правил. Единственное отличие — более свободная трактовка обязанностей игроков. В хоккее применялись различные системы расстановки: два защитника, три полузащитника, пять нападающих или три защитника, два полузащитника и те же пять нападающих. Играли широко, по всему полю. Зрителей, несмотря на холодные ленинградские зимы, собиралось всегда предостаточно. Хоккей с мячом в Ленинграде, как и повсюду в России, очень любили. Да это и понятно. Ведь если футбол изобрели англичане, то русский хоккей — подлинно отечественная игра, хотя теперь ее называют даже на иностранный манер «бенди».

В хоккее мне удалось достичь таких же высот, как и в футболе. Уверен, что это напрямую связано со своеобразной техникой ведения мяча. Так, с детства я приучил себя держать клюшку одной рукой, что несомненно способствовало ускорению обводки, повышению темпа игры. Еще надо было хорошо кататься на коньках, чему я тоже научился с детских лет. Тренер ленинградского «Динамо» по фигурному катанию Иван Иванович Богоявленский неоднократно обращался к Бутусову с просьбой отпустить меня для занятий этим видом спорта. Неудивительно, что в сборнике «Хоккей с мячом. Сборная СССР» (составитель В. И. Осипов. 1984) говорится: «Практически не было соперника, которого бы Дементьев не мог обвести».

Каждый сезон с наступлением морозов я ездил по городу в поисках замерзших прудов — крытых отапливаемых катков в то время не было. Если они оказывались заметенными снегом, расчищал метлой и гонял мяч. Позже ко мне присоединились брат Николай и вратарь Миша Инковский — сын бухгалтера халтуринской фабрики, друга

моего отца. Привычка играть на прудах сохранилась у меня на всю жизнь. Помню, мне было уже за шестьдесят. Я жил с семьей недалеко от базы ленинградского «Зенита» в Удельной. Нашел неподалеку замерзший пруд, расчистил лед, расставил палки и начал заниматься ведением шайбы вокруг них. В это время зенитовцы совершали пробежку по заснеженному парку. Увидев, что я тренируюсь, они приблизились к пруду, наблюдая за мной, а их тогдашний тренер Герман Зонин обратился к подопечным:

— Вот это техника! Вот как надо водить шайбу!

Но вернемся к началу моей хоккейной биографии. В то время все сами делали клюшки из камыша по своему росту — это теперь играют в хоккей стандартными клюшками. У меня рост маленький и клюшка была маленькая. А защитники высотой под два метра и клюшку делали себе соответствующую. Вот и попробуй обойти таких защитников да еще забить гол. К тому же ворота были тоже маленькие, как сейчас в хоккее с шайбой. У некоторых игроков, как, например, у одного из сильнейших хоккеистов в стране Михаила Якушина, был целый набор клюшек, которые он менял, выполняя угловые или штрафные удары. Ему их подавали запасные игроки.

К нам в Ленинград довольно часто приезжали хоккеисты из скандинавских стран. Матчи с ними всегда проводились на стадионе имени Ленина. Свободных мест на трибунах не было. Со скандинавами постоянно возникали споры по поводу размеров ворот: у нас они были меньше, чем у них. Имелись разногласия и в отношении ограждающих бортиков. Помню, накануне одной из встреч финны попросили убрать бортики и заменить ворота на большие по размеру. Бортики убрали, но ворота остались прежние. Тренер ленинградцев Павел Батырев объяснил это весьма своеобразно:

— Нам все равно как играть — с большими воротами, маленькими или вообще без ворот!

А вот на следующей игре — со шведами — все-таки поставили большие по размерам ворота. Однако все это мало помогало гостям, потому что уж очень высок был класс игры сборной Ленинграда по русскому хоккею. Иной раз в ворота гостей влетало до дюжины мячей.

На протяжении многих лет я выступал за хоккейные сборные города и динамовских команд страны. Последняя была одной из сильнейших в отечественном хоккее. Кроме меня, в ее составе были еще два ленинградца — однофамильцы Виктор и Валентин Федоровы. Большую же часть команды составляли московские динамовцы: Константин Квашнин, Сергей Ильин, Михаил Якушин и другие. Особенно выделялся у москвичей великолепный защитник Квашнин, считавшийся одним из лучших хоккеистов страны. Он уверенно подстраховывал своих коллег по обороне, совершал рейды к воротам соперников. Впоследствии стал замечательным тренером по футболу и хоккею.

В 1935 году наша сборная выиграла чемпионат страны среди ведомственных команд, победив сборные «Спартака», «Локомотива», профсоюзов и других соперников.

С 1937 года стал разыгрываться Кубок СССР по русскому хоккею. За команду ленинградского «Динамо» вместе со мной выступали Олег Ошейков, Аркадий Кузьмин, мой брат Николай, три однофамильца Федоровых — Виктор, Валентин, Василий — и другие. Наша команда неизменно оказывалась в тройке сильнейших.

Со смешанным чувством вспоминаю встречу ленинградского «Динамо» с московским «Торпедо», проходившую в Москве. Счет уже был 3:0 в нашу пользу. Я обошел многих соперников и вышел к воротам торпедовцев. Гол был неизбежен. Трибуны неистово ревели. И тут вратарь — высоченного роста парень, не придумав ничего умнее, запустил в меня клюшку. Себя он обезоружил окончательно, а я, молниеносно среагировав на этот выпад, перепрыгнул через клюшку и успешно завершил атаку. Игра в хоккее доставляла мне огромное удовольствие. Это подметил автор появившегося как-то раз в газете дружеского шаржа на меня со следующими стихами:

Поет, звенит веселый лед,

Дементьев Пека в бой идет.
Быстры хоккейные коньки,
Как крылья тонки и легки.
Поет, звенит веселый лед.
Дементьев Петр по голу бьет.

Иногда от соперников доставалось и мне. Мы играли на Кубок СССР в Смоленске. В ходе встречи, находясь рядом с игроком, делавшим замах клюшкой, я попытался утащить у него мяч. Но на какое-то мгновение опоздал, и вместо мяча удар пришелся мне по голове. Последствия этой травмы ощущаю до сих пор — мучают сильнейшие головные боли.

Интересно, что у нас с Михаилом Бутусовым в хоккее сложился такой же дуэт, как и в футболе. Думаю, что об этом многие не знают, и для них будет, несомненно, интересна заметка из газеты под заглавием «Бутусов — Дементьев», чудом сохранившаяся в моем архиве:

«Борьба была резкой и темпераментной. Вездесущий Дементьев, ловко обводя противника с мастерством заправского жонглера, вызывает вполне заслуженное одобрение зрителей...

Нельзя представить себе более опасной пары, чем Дементьев и Бутусов. Первый, маленький, верткий, быстрый и неуловимый, вносит дезорганизацию в ряды противника. Другой, большой и внушительный, бьет в последнюю минуту, и бьет наверняка».

Если в футбол я закончил играть в сорок лет, то хоккеем занимался значительно дольше. Жалею, что так и не сыграл в хоккее с шайбой. Когда он начал культивироваться в нашей стране, все говорили, что это — моя игра, так как на «пяточке» я спокойно обыгрывал по 2-3 игрока. Но обстоятельства сложились так, что мне не удалось осуществить эту мечту. А вот моему земляку — знаменитому Всеволоду Боброву — это удалось сделать, и с блеском.

В довоенные годы мы не были лично знакомы — он был тогда еще молодым спортсменом. Жил в пригороде Ленинграда — Сестрорецке. Там начал играть в футбол и русский хоккей. А вот в послевоенные годы ярчайший талант Всеволода Боброва заблистал всеми гранями. Он начинал с русского хоккея, но выдающихся успехов достиг именно в хоккее с шайбой. Его отличали великолепная техника обводки, сильнейшие броски по воротам, скоростная выносливость, хорошее видение поля и прекрасное взаимопонимание с партнерами.

Сравнивая довоенный русский хоккей с современным хоккеем с шайбой, с уверенностью могу засвидетельствовать, что в том хоккее требовались более высокие скоростные качества и выносливость, более высокая техника владения клюшкой — ведь играли на большом поле с маленькими по размерам воротами, в которые попасть было труднее — теперь такие ворота используются в хоккее с шайбой. Играли как в футболе — два тайма по 45 минут. Мяч был тоже другой, из литой резины, с оплеткой. Скорость его полета, особенно при ударах с «нахлюпом» (как бы накладкой клюшки на мяч), была такой, что мяч летел, как пуля. Смены игроков, как в хоккее с шайбой, не было. Теперь в русский хоккей играют по-другому: облегченным мячом, стандартными клюшками, с увеличенным размером ворот.

Неудивительно, что те, кто хорошо играл в русский хоккей, без труда освоили хоккей с шайбой в послевоенное время. Даже возрастные игроки, перешедшие из одного вида спорта в другой, достигли в нем впечатляющих результатов. Русский же хоккей с тех пор остался как бы в тени.

В довоенные годы хоккей был очень популярен и среди женщин. В Ленинграде было несколько женских команд, лучшие хоккеистки которых составляли сборную города, участвовавшую в первенстве профсоюзов. За сборную города играла форвардом и моя будущая жена Муза Николаевна Болотова.

Разносторонне одаренный человек — прекрасно пела, танцевала, писала стихи, — она была не только отличной хоккеисткой, но и страстной поклонницей футбола, хорошо разбираясь в тонкостях этой игры. С 1932 года являлась членом коллегии ленинградских судей по футболу и хоккею, судила матчи среди мужчин. Больше всего на поле не терпела сквернословия и очень строго за это наказывала забывавшихся иногда игроков. Кроме моей жены, в составе судейской коллегии по футболу и хоккею было еще 19 женщин. В их число входила и жена Василия Бутусова (брата Михаила Бутусова) Елена Павловна Бутусова-Сумарокова, по профессии детский врач.

В детстве моя жена играла в футбол со своим братом и, мечтая стать футболисткой, поступила учиться в Институт физкультуры имени П. Ф. Лесгафта. Но до войны женский футбол так и не состоялся, хотя энтузиастки имелись. Та же Сумарокова нередко приходила с мужем на стадион и пробовала играть в футбол. Получалось неплохо.

Моя жена присутствовала на всех матчах с моим участием, была не только поклонницей, но и другом и самой большой помощницей во всем. Именно поэтому мне так долго удалось продержаться в большом спорте. Кстати, и эту книгу удалось написать благодаря ее заботе, поскольку она сберегла большую часть фотоархива и газетных вырезок довоенных лет, взяв с собой в эвакуацию такой ценный для меня груз.

Свою страстную любовь к футболу Муза попробовала выразить в стихах, которые, по-моему, очень точно передают ощущения футбольного болельщика. Может быть, они немного наивны, но мне нравятся. Назвала она эти стихи «Большой футбол».

Мяч на центре. Все в атаку!
Поскорее пас давай
И красиво, ловко, смело
Мяч к воротам передай!
Головой послав под штангу,
Завершил атаку край.
Мяч взлетел, но также ловко
Отпарировал вратарь.
Мяч отбит. Атака снова.
Пусть сражаются края.
И стремительно инсайды
Разыграются, творя.
Повороты, развороты,
То есть, проще говоря,
Применят финты, полеты
И ведение мяча.
Центр быстр, удары метки.
Отбиваются не раз
И вратарь с защитой цепкой —
Пыл атаки не угас.
Да, игра красот полна,
Если в ней заключена,
Ловкость тела, бодрость духа.
Значит — доля и ума!

Глава шестая Пламенные баски

С 1937 годом у меня связаны как радостные, так и тяжелые воспоминания.

Одним из самых ярких событий в моей спортивной биографии стала игра с басками, побывавшими в нашей стране в тот год. Это была очень сильная команда — восемь ее игроков входили в состав национальной сборной Испании.

До приезда в СССР футболисты Басконии совершили турне по Европе с целью сбора средств в помощь детям и женщинам республиканской Испании, борющейся с диктатурой Франко. Из 58 матчей с лучшими европейскими командами они выиграли 37 и 21 встречу закончили вничью.

Можно представить, с каким нетерпением ожидали ленинградцы матча с этой командой. И вот наступило 30 июня 1937 года. На поле стадиона имени Ленина выбежали испанские футболисты — все невысокого роста, но очень крепкие, смуглые, черноволосые. Одеты они были в зеленые футболки, белые с красной каймой трусы и черные с красными отворотами гетры. Ленинградцы в своей традиционной форме — белой с голубой полосой. Над стадионом пролетел самолет и сбросил букет цветов и мяч почти к ногам капитана басков Луиса Регейро, когда он обменивался рукопожатиями с капитаном сборной Ленинграда Борисом Ивиным.

Судить матч поручили одному из лучших судей страны Николаю Харитоновичу Усову. Его популярность как футбольного судьи была необыкновенной. Судил четко, беспристрастно, но самое главное — артистично. Небольшого роста, плотного телосложения, с животиком, он, к удивлению всех, неожиданно на большой скорости подбегал к провинившемуся игроку, и тут, как правило, разыгрывался маленький спектакль. То он отпускал острую шутку в адрес нарушителя, то жестами и мимикой так изображал нарушение правил провинившемуся, но делающему вид, что ничего не произошло, игроку, что смех и овации то и дело вспыхивали на трибунах стадиона. Это был, пожалуй, один из немногих судей, который, наказывая футбольных грубиянов и хулиганов, своим судейством способствовал тому, чтобы игра была красивой и содержательной. Так же четко и артистично он провел нашу игру с басками в Ленинграде. В начале игры, схитрив, баски получили даже известное преимущество. На родном языке они подсказали своему капитану, в какой руке судьи, стоящего к ним спиной, зажата монета. В результате вратарю Бласко достались ворота по солнцу.

В игре сразу же обнаружилось, что мы ни в чем не уступаем соперникам: ни в технике, ни в тактике, ни в уровне физической подготовленности. Единственным слабым звеном оказался вратарь Илья Эврапов. Обычно он выступал только за команду Института физической культуры имени П. Ф. Лесгафта, в отношении игроков которой мы любили пошутить: «По какой страничке учебника играете?» Тем не менее первый тайм прошел при полном преимуществе нашей сборной. В газетном отчете об этой встрече писалось:

«Первыми начали атаковать ленинградцы. Блестяще играл Петр Дементьев. Он быстро, безупречно передавал мяч во все направления, угадывая партнера даже за спиной. На 20-й минуте состязания правый крайний К. Сазонов метров с двадцати с подачи Дементьева забил первый гол. Но после этого вратарь Бласко, стараясь реабилитировать себя за пропущенный гол, играл с утроенной энергией, отражая самые опасные удары. Атаки ленинградцев не затихали. П. Дементьев еще раз обвел защиту гостей и готовился завершить прорыв голом. Но один из защитников басков выбил мяч из самых ворот. П. Быков пробил пенальти. Однако мяч попал в штангу. До перерыва счет все же стал 2:0 в пользу сборной Ленинграда».

Далее ссылаться на материал газетного отчета не имеет смысла, ибо сценарий, по которому развивались события, был определен не футболистами, а партийными функционерами. В перерыве между таймами к нам в раздевалку пришли представители Ленинградского горкома партии и предупредили, что гостей обыгрывать не следует: «Невежливо обижать. Надо сделать ничью». Такова правда, о которой теперь можно поведать. Нам ничего не оставалось, как согласиться. Во втором тайме мы заметно ослабили игру, предоставив баскам возможность действовать свободно. Они этим хорошо воспользовались. В команде басков особенно выделялся ее капитан правый полусредний

Луис Регейро. Очень техничный игрок, он вел всю игру соперников. Понравился мне и Горостица, тоже весьма техничный футболист, игравший на правом краю. Он хорошо бил по воротам, давал точнейшие пасы. Полной противоположностью им был центральный нападающий Исидро Лангара — игрок силового плана, но обладавший хорошими скоростными качествами и точным сильным ударом. В этой игре на меня не произвел, особого впечатления вратарь басков Бласко, который весьма неуверенно играл на выходах. По-видимому, тогда я его недооценил — результаты последующих игр басков в нашей стране говорят об ином.

На 15-й минуте второго тайма Педро Регейро сквитал один мяч, забив головой гол в ворота Эврамова. Потом Лангара сравнял счет. После этого мы снова перешли в атаку, чтобы не проиграть, но голов больше не забивали, выполняя порученные указания. По поводу моей игры с басками было сложено даже шутливое четверостишие, очень хорошо мне запомнившееся:

Дементьев Пека, он сполна
Освоил технику вьюна.
И даже пламенные баски
Играли с ним не без опаски.

В интервью журналистам после этой игры капитан басков Луис Регейро отметил:

— Очень высокая техника у нападающего Петра Дементьева. Это игрок самого высокого класса.

А перед этим подошел ко мне с переводчиком и предложил уехать с ним на родину испанских футболистов. Я удивился:

— Куда ехать? У вас же война, кому мы нужны?

Он возразил:

— Наша команда будет ездить по всему свету.

Конечно, я отказался от такого предложения. В то время об этом и подумать было нельзя.

В Москве баски с разгромным счетом 5:1 победили «Локомотив», затем нанесли поражение московскому «Динамо» 2:1, но проиграли столичному «Спартаку» 2:6, усиленному, правда, футболистами киевского «Динамо» (Виктор Шиловский и Константин Щегоцкий), ЦДКА (Константин Малинин), московского «Металлурга» (Григорий Федотов) и «Локомотива» (Петр Теренков). С крупным счетом 6:1 баски выиграли у сборной Минска, обыграли сборную Грузии 3:1. Мне довелось еще раз сыграть против басков за сборную «Динамо», в составе которой вместе с москвичами выступали мой одноклубник Валентин Федоров и я.

Перед началом матча ко мне подбежал Луис Регейро. Похлопал по плечу и сказал по-русски, плохо выговаривая слова:

«Ленинград! Поехали!» Когда команды выстроились на поле, мне преподнесли такой огромный букет цветов, что стоявший рядом со мной Сергей Ильин предложил: «Давай подержу, а то тебя не будет видно». Так нас и запечатлели на фотографии.

Игра проходила с переменным успехом, но завершилась нашим крупным поражением 4:7. Мне, правда, удалось забить баскам гол. Причиной столь крупного поражения явилась, на мой взгляд, слабая игра многих ведущих футболистов. Плохо сыграли защитники и полузащитники. Неуверенно защищал ворота голкипер Александр Дорохов из тбилисского «Динамо», ранее игравший в Иваново. Это была его первая международная встреча, и груз ответственности, видно, оказался ему не под силу.

Мне был предложен вместо моего коронного амплуа правого полусреднего пост левого полусреднего. Занявший мое обычное место Михаил Якушин был слаб в техническом плане и по уровню физической подготовленности. Одним из крупных

просчетов наших тренеров было включение в состав команды Валентина Федорова. Он приехал на игру с травмой,

так что фактически играть не мог, да и не имел права. Но вышел на поле и играл, конечно, очень плохо, не справляясь с блестящими быстрыми форвардами Басконии — Регейро, Горостицей и Лангарой. В итоге — обидное поражение.

В тот год мое положение в «Динамо» существенным образом изменилось, так как наш «дирижер» Михаил Бутусов закончил в 1936 году выступления на футбольном поле. Обязанность «дирижера» перешла ко мне. По этому поводу газета «Красный спорт» писала: «Маленький виртуоз без труда справляется с новой ролью. Дементьев играет правого инсайда, а по существу — он центр нападения. Он распределяет игру и завершает атаки». Моя ответственность перед командой еще более возросла после того, как 23 июля в газете было сообщено о награждении меня — единственного из ленинградских футболистов — орденом «Знак почета».

На следующий день состоялась игра с московскими динамовцами, вошедшая в историю футбола как «грязная игра». Начался матч очень торжественно, с приветствия двух орденосцев — москвича Сергея Ильина и меня. Оценку дальнейшего хода игры давать не буду, дабы меня не упрекнули в необъективности, а просто приведу полный отчет о матче из газеты «Спартак» за 27 июля 1937 года. Думаю, что он будет полезен всем интересующимся историей нашего футбола:

«Если бы не грубость москвичей, матч можно было бы назвать самым волнующим, самым интересным за этот сезон. Как же сложилась эта игра, которая надолго останется в памяти ленинградского зрителя?

Состав обеих команд несколько ослаблен и изменен. У Ленинграда нет Кряжкова, у Москвы — Смирнова и Корчебокова. В воротах Ленинграда занимает место Кузьминский, на защиту встают Денисов и Ки-силев, в полузащите Ошенков, Телегин, Вал. Федоров, в нападении Светлов, Дементьев, Вик. Федоров, Ал. Федоров и Быков. В составе Москвы — Фокин, Тетерин, Чернышев, Лапшин, Качалин, Ремин, Семичастный, Демин, Якушин, Елисеев, Ильин.

Игра началась. Свой коронный удар попробовал Елисеев. Однако мяч попал во внешний косяк штанги. Вскоре после этого получает растяжение ноги А. Федоров. Его место занимает Барышев. Угловой удар — мяч из-под штанги выносит вратарь Москвы Фокин. Ленинградцы на 20-й минуте развивают энергичное наступление. Душа нападения — Дементьев. Он играет очень хорошо. Подтягивается Светлов. С Дементьева начинается великолепная комбинация, которую он хочет завершить сам. Но вратарь Москвы Фокин отличным броском отбивает в поле труднейший мяч. Еще несколько секунд — и Дементьев отводит мяч налево к свободному Барышеву. Удар большой силы, ладони московского вратаря достают мяч, но он преодолевает сопротивление и врывается в сетку.

Ленинград продолжает атаковать. До конца первой половины игры остается 9 минут. По воротам бьет Виктор Федоров. Мяч отскакивает от руки защитника. Молниеносный рывок к мячу делают Дементьев и Фокин. Поспевает Дементьев, и мяч в сетке. Москвичи начинают с центра, но трибуны еще долго аплодируют орденосцу Петру Дементьеву.

Ленинградцы играют лучше и энергичнее москвичей. На этот раз Кузьминский крепко защищает ворота. Ошенков, Киселев, Денисов, Федоров плотно закрывают Ильина и Семичастного. Пятерка нападения играет решительно и хорошо. Лучший в пятерке Дементьев увлекает за собой все нападение, распределяет игру.

Москвичи во втором тайме ставят на правый край нападения Пономарева. В центр переводят Семичастного, правый инсайд — Елисеев, и левый — Якушин. Ленинградцы справедливо решают, что лучшая защита — нападение. Второй тайм начинается с их атаки. Но вот Ошенков и Ремин сталкиваются головами. Ремин получает сильный удар в лицо и выбывает из игры. Этот момент послужил как бы сигналом для москвичей, начавших грубить уже с первых секунд второго тайма.

Тетерин без мяча «рубит» Ошенкова, но судья не замечает. Якушин, Лапшин и особенно Тетерин начинают чрезмерно грубить. Тетерин сбивает Дементьева. Любимца публики, корректного маленького форварда уносят с поля. Судья Иоселиани ограничивается назначением штрафного удара. В рядах ленинградского нападения пробел. Зрители бурно реагируют на грубость и на ошибку судьи, не удалившего виновников с поля.

Без Дементьева ленинградцы как-то сдают. Разыгрывается Ильин. Прекрасный бег у правого края Пономарева. Ошенков и Валентин Федоров теперь не раз выпускают их. У ворот Ленинграда опасный момент. Защитник Денисов забивает мяч в свои ворота. Однако ленинградцы еще на несколько минут возвращают себе преимущество. По воротам бьет Светлов. Мяч ударяется в ногу Качалина и, изменив направление, влетает в угол ворот. Счет 3:1. Теперь на поле начинается открытая драка. Москвичи грубо атакуют, прорываясь не раз к воротам противника. Несколько опасных прорывов делает Пономарев. Мяч получил Якушин, обманул Киселева и занес ногу для удара, но быстрым броском в ноги Якушина Кузьминский отбил этот мяч. За 18 минут до конца матча Ошенков выпустил Ильина. Точный удар в нижний угол, и счет 3:2. Вскоре Ильин бьет 11-метровый удар. Кузьминский отбивает мяч, но на того же Ильина. Счет сравнялся. На последних минутах ленинградцы остались на поле в количестве 9 человек. Выбыл Кузьминский. В воротах небывалый вратарь — левый инсайд Барышев. Последние волнения — и ничья. Моральные победители этого матча — ленинградцы. У них отлично играл Дементьев, порадовал игрой Кузьминский. У Москвы хороши Пономарев, Семичастный, Ильин, кстати, они не в пример своим товарищам корректно провели игру».

Далее следовали комментарии к отчету об игре. «24 июля унесли с футбольного поля с повреждением руки Петра Дементьева. Его умышленно подбил Тетерин. На поле — откровенная грубость. Вдохновителями были Тетерин, Якушин и Лапшин. Судья Иоселевич (УСССР) не справился с игрой. Его нерешительность способствовала еще более резкой игре. Судья не смог оградить динамовцев Ленинграда от грубости одноклубников, и в игру начали вмешиваться зрители. Матч с трудом удалось закончить.

Хулиганствующие футболисты из московского «Динамо» должны быть привлечены к суровой ответственности».

По словам присутствовавших на этом матче, грубая игра москвичей привела ленинградских болельщиков в настоящее исступление. С финальным свистком судьи они бросились к проходу между трибунами, а разгневанные женщины, которых было очень много на этом матче, зонтиками избивали убежавших в раздевалку московских футболистов.

Этот матч имел для меня тяжелые последствия: перелом ноги и руки. Я хорошо запомнил тот эпизод во втором тайме, когда капитан москвичей Виктор Тетерин подбежал ко мне с правого края. Я был без мяча, уже отдав его партнеру, как вдруг краем глаза увидел, как на меня надвигается какая-то тень. Инстинктивно успел закрыть рукой колено, куда как раз и прыгнул обеими ногами Тетерин.

С матча я попал прямо в больницу. Вскоре из Москвы вызвали Тетерина извиняться передо мной. Приехал он вместе с Председателем Ленинградского областного Совета «Динамо», начальником НКВД Заковским. Но то, что сделал Тетерин, было почти непоправимо — так тяжела была травма. Крупнейший ленинградский специалист по травматологии профессор Куслик собрал консилиум врачей. Все склонялись к операции коленного сустава, за исключением самого Куслика:

— Сделаем операцию — играть не будет!

Куслик настоял на своем. Меня отправили на лечение в Евпаторию...

Глава седьмая Неповторимый дуэт «Бутусов — Дементьев»

Не буду описывать, что я пережил за долгие месяцы лечения и восстановления формы. Наконец, уже в 1938 году, в газете появилась короткая заметка, где осторожно сообщалось: «18 сентября состоялись очередные игры на первенство Ленинграда по футболу. Интересной была встреча «Динамо» и «Локомотива». После долгого перерыва из-за болезни в составе «Динамо» играл Петр Дементьев. Динамовцы выиграли матч со счетом 3:1».

Многие не верили, что после такой тяжелой травмы мне удастся вернуть былое мастерство. Но я упорно тренировался и своей последующей игрой опроверг все домыслы скептиков. Правда, если до травмы я бил одинаково сильно с обеих ног, то теперь стал левой бить реже, чтобы ее не перегружать: боль в коленном суставе постоянно давала о себе знать. Однако это почти не было заметно постороннему наблюдателю, как не заметил и приехавший в Ленинград в 1938 году Председатель Всечехословацкого спортивного комитета и футбольной ассоциации Рудольф Пеликан. После игры динамовцев Ленинграда с московскими спартаковцами он сказал:

— Ленинградская команда, бесспорно, команда высокого международного класса, а в ней Петр Дементьев — подлинно жемчужина. У нас в Чехословакии за него дрались бы самые лучшие клубы.

Футбол я любил страстно, самозабвенно. В этой игре мне нравилось все — и обводка, и пасы, и умение забивать голы. В первые годы спортивной карьеры я старался обвести чуть ли ни полкоманды соперника и сам забить. Разумеется, меня за это упрекали в индивидуализме. Удар у меня, конечно, был не «пушечный», как у Бутусова, но сильный, резкий, точный, или, как его называли, «пистолетный». Выполнял я его скрытым движением ноги, за счет голени. Такой удар был неожиданным для вратарей, а следовательно, очень эффективным и результативным. Бывало, за игру мне удавалось забить по нескольку мячей, а однажды, как свидетельствует футбольный справочник, сразу шесть штук. Оговорюсь, что к справочнику обращаюсь только потому, что в мое время никто не старался учитывать собственные голы. Для нас главным было показать красивую игру.

Однако я никогда не жадничал и, создав голевую ситуацию, очень часто отдавал мяч партнерам по команде, которым только оставалось послать его в ворота. Об этом свидетельствует и мой товарищ по сборной СССР Николай Петрович Старостин:

«Я два сезона играл рядом с ним в сборной и никогда не забуду радости от этого соседства. В Петре жажда забить гол гармонично уживалась с желанием сыграть в последний момент на соседа. Мяч, казалось, был привязан к его ногам. Как шаровая молния, он проскакивал с мячом через строй защитников и отдавал его для завершающего удара кому-нибудь из партнеров. Особенно часто такие подарки он преподносил своему напарнику Михаилу Бутусову, сразу оценившему замечательные способности своего партнера». (Н. П. Старостин. «Форварды сборной» // «Наука и жизнь», 1965, № 1).

С Михаилом Бутусовым у нас действительно сложился интересный дуэт. За всю мою долгую спортивную жизнь не было другого такого игрока, понимавшего меня с «полуслова», хотя мне пришлось повидать на своем веку немало звезд. Правда, очень сожалею, что не удалось сыграть вместе с неподражаемым мастером мяча Борисом Пайчадзе, виртуозом Гайозом Джеджелавой и великолепным Всеволодом Бобровым.

В то время, когда мы встретились в одной команде, Бутусов выглядел грузным мужчиной, что не мешало ему оставаться блестящим футболистом. Особенно он славился ударом по воротам — точным, сильным, с дальнего расстояния. Свой коронный удар — сбоку по летящему мячу с разворотом корпуса — он выполнял мастерски.

О мощи Бутусова ходили легенды. Согласно одной из них, после его удара сломалась стойка ворот. Будучи молодым и наивным, я как-то спросил его об этом. Он засмеялся и сказал:

— Ну как можно сломать штангу? Разве что такую, которая прогнила. Конечно, это шутка.

Однако говоря это, он всем видом показывал, что легенда была ему по душе.

Огромным достоинством Бутусова, как футболиста, было умение выбирать место. Мы с ним никогда ни о чем предварительно не договаривались, но понимали друг друга великолепно. По словам наших коллег, мы были грозной силой для любого противника. Георгий Шорец в одном из интервью вспоминал:

«Непонятно, что можно было противопоставить ударной силе неповторимого дуэта (да, да, неповторимого, таких больше нет и не будет). Против них были бессильны даже откровенные «костоломы»: Бутусова — такую мощнейшую махину — вообще не пошатнешь, да и относились к нему с почтением, побаивались трогать, а Пека — тот ускользнет от любого грубого приема, никто столько раз не оставлял соперников в дураках, как Пека».

Играя с ним в одной линии (Бутусов был центрфорвардом), я старался сделать все, чтобы как можно четче выложить ему мяч для удара, оттягивая на себя защитников. Но когда держали Бутусова, то приходилось забивать голы мне.

Бутусову, как капитану команды, всегда доверялось выполнение одиннадцатиметровых ударов. И делал он это блестяще. Мне же пробитие пенальти никогда не доставляло особого удовольствия. Забить таким способом гол с моим точным «пистолетным!» ударом было делом пустяковым. Я предпочитал голы после преодоления плотного заслона защитников, когда, подойдя вплотную к тылам соперника, можно было бы обыграть вратаря и иногда даже внести мяч на голове в ворота. Я считал это более увлекательным и красивым, чем блестящее выполнение пенальти «пушечным» ударом. В этом я видел также некую несправедливость по отношению к вратарю, наказанному за промахи товарищей по команде.

Несомненно, что Бутусов был игроком очень высокого класса, и наше содружество Николай Евграфович Соколов назвал таким, «равных которому нет и больше не будет в нашем футболе». Однако медаль имела оборотную сторону: сочетание работало, прежде всего, в пользу Бутусова и непреднамеренно наносило ущерб многим партнерам по команде, которые оказывались как бы «вне игры», хотя были очень хорошими футболистами (Евгений Елисеев, Владимир Кусков и другие).

В последние годы выступлений Михаила Бутусова — это были как раз годы моего расцвета — ко мне неоднократно обращались корреспонденты газет с вопросом, с кем из игроков мне всего лучше играть в паре в составе сборной города. Хотя центрфорвард был уже далеко не тот — пропала скорость, удар стал не таким сильным, — я неизменно отвечал:

— С Бутусовым!

Мне не хотелось, чтобы его выгоняли из команды, так как я ценил наше содружество и сомневался, смогу ли достичь такого же тонкого взаимопонимания в игре с новым партнером. Тем самым, по собственному признанию Бутусова, я продлил ему жизнь в футболе, зато мне стали приписывать неумение забивать голы.

Однако я умел забивать всегда. Правда, в самом начале спортивной карьеры надо мной не довлел груз ответственности за выступление команды в целом, как было в последующие годы. К тому же по ряду причин в послевоенные сезоны я оказался в составе довольно слабых команд («Крылья Советов» Москва, «Динамо» Киев, «Динамо» Ленинград), где преобладали, с одной стороны, возрастные игроки среднего уровня, не владевшие техникой и тактикой большого футбола, а с другой стороны, очень молодые, только начинавшие спортивный путь футболисты. Мне фактически приходилось брать на себя роль «дирижера» и не очень-то задумываться над тем, как я выгляжу со стороны. Просто натаскивал молодежь как на тренировках, так и во время соревнований. Специалисты по достоинству оценивали и эти качества:

«Его дирижерские способности, его тактическая мудрость, его умение создавать для своих партнеров идеальные условия, — отмечал Н. П. Старостин, — делают его непревзойденным инсайдом советского футбола».

Что касается Бутусова, то, будучи тренером, он насаждал в команде авторитарный стиль руководства. Это резко контрастировало с демократическим стилем, присущим всем ленинградским тренерам, с которыми мне приходилось раньше встречаться, — интеллигентнейшим Петром Павловичем Филипповым, спокойным Павлом Васильевичем Батыревым. В отличие от них, Бутусов не всегда владел собой, мог сорваться. Великолепный специалист, в жизни он был человек грубоватый, резкий, даже бесцеремонный в оценках своих подопечных. К примеру, ему не понравился Виктор Набутов. Будучи искусным баскетболистом, тот в воротах любил эдаким баскетбольным приемом выкинуть из-за спины мяч. Бутусова эти трюки раздражали, и его решение было непреклонным:

— Нам таких пижонов не надо!

Такую же бесцеремонность он проявил впоследствии и по отношению ко мне, воспользовавшись моим случайным опозданием на тренировку. Летом мы с семьей снимали дачу под Ленинградом. Там я тренировался, бегал кроссы по лесу, считая их чрезвычайно полезными. Дачный поезд какого пришел в Ленинград не по расписанию, и я опоздал на тренировку динамовцев, что при моем всегдашнем ответственном отношении к футболу было исключительной редкостью. Я извинился за опоздание, но Бутусову этого показалось недостаточным. Ему, очевидно, захотелось надо мной покуражиться, и он заявил мне, ведущему игроку:

— Твою судьбу будет решать секция!

Было больно слышать такие слова от того, кого я столько лет считал своим старшим товарищем, всегда уважал. Почему за такой пустяковый промах мне нужно перед кем-то унижаться? Я повернулся и ушел.

Моя довоенная футбольная жизнь сложилась так, что мы с Николаем подали заявления об уходе из «Динамо». Я был уверен, что вдвоем мы не пропадем — нас пригласят в любую команду. Однако брат, испугавшись последствий (хотя у меня было уже двое маленьких детей, а он еще не был женат), взял заявление обратно. Затем он был переведен в Москву штабным работником, так как к тому времени числился на военной службе. Осуждать его я не вправе — такое было время...

У меня же начались мытарства и скитания. Позвонил в киевское «Динамо». Мне сказали: «Приезжай!». И мы вдвоем с женой, которая мужественно поддерживала меня в самые тяжелые минуты, уехали в Киев. Встретили нас очень хорошо, поместили в центральной гостинице «Континенталь». Но красивый, утопающий в зелени город не произвел на нас большого впечатления — уж очень проигрывал Киев по сравнению с довоенным Ленинградом. Зато команда киевлян мне очень понравилась. В ней играли такие прекрасные игроки, как правый крайний Виктор Шиловский — быстрый, техничный. Под стать ему были Алексей Клименко, Макар Гончаренко. Для усиления были приглашены из Одессы вратарь Николай Трусевич и защитник Иосиф Лившиц. Играть в таком ансамбле было одно удовольствие.

Я уже готовился к игре с московским «Торпедо», однако официального разрешения на переход в команду киевлян у меня еще не было. Тренер динамовцев попросил первого секретаря компартии Украины Н. С. Хрущева оказать содействие в решении этого вопроса. Хрущев обратился во Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта с просьбой дать мне разрешение на переход. Но ему сообщили, что А. А. Жданов приказал мне играть за Ленинград и только за команду «Динамо». Хрущев был страшно удивлен и сказал, что даже не представлял себе, как сложно футболисту перейти из одной команды в другую. Как потом выяснилось, Жданов уже звонил во Всесоюзный комитет председателю Снегову, угрожал снять его с должности, крича:

— Что за безобразие у вас там творится? Почему Дементьев уехал в Киев? Будет играть только за Ленинград!

Поэтому, когда по приезду в Москву мы пришли во Всесоюзный комитет физкультуры и спорта вместе с Константином Квашниным, который тогда же в Киеве пригласил меня играть в «Торпедо», испуганный Снегов сказал мне:

— Уходи и не показывайся мне на глаза! Играть будешь только за Ленинград!

Мы с женой вернулись в Ленинград. В наказание за строптивость мне запретили не только играть в футбол, но даже работать тренером. Вызывали в НКВД, придравшись, что я не ношу орден — видимо, опять кто-то донес. Я честно сознался, что орден не ношу, так как не люблю носить пиджаки, а на рубашку орден не наденешь. Вроде бы поверили. Но как потом выяснилось, ко мне был приставлен сотрудник, следивший за каждым моим шагом. Позже он мне признался сам:

— Петя, ты меня прости! Я следил за тобой год. Но за тобой ничего нет. Кроме стадиона и дома, ты нигде не бываешь.

В это трудное время меня поддерживала только жена. С книжки были сняты и так-то небольшие сбережения. Жена пошла работать, оставив детей на попечение своих родителей. От моих же родных не было даже моральной поддержки. В это время Николай играл уже в Москве. После войны он возмужал и заиграл гораздо сильнее, но тогда еще был слабоват и физически, и тем более технически. Внешне мы были с ним немного похожи, но по игре...

Ленинградские болельщики недоумевали, куда же я пропал. Московские же болельщики, не так близко знавшие меня в лицо, увидев на поле Николая, подходили после игры к нему и разочарованно спрашивали:

— Пека, это ты?

А он, как позже признался, в ответ молчал.

Наконец, в Ленинградском Комитете физкультуры предложили:

— Выбирай, где будешь играть, в «Динамо» или «Зените»?

Я выбрал «Зенит».

Глава восьмая Годы испытаний

Шел 1941-й год. «Зенит» в очередной раз стартовал в играх группы «А» на первенство СССР. Тренером команды, сформированной из игроков ленинградских профсоюзов, был назначен Константин Лемешев — человек мягкий и интеллигентный.

Вместе с зенитовцами я вновь побывал в Киеве в мае 1941 года, полностью восстановив спортивную форму: «Игру гости начали в стремительном темпе. Киевляне даже не успели опомниться, как были прижаты к своим воротам. Натиск ленинградцев заставил все линии динамовцев, даже нападающих, оттянуться в тыл. На 11-й минуте прекрасно игравший Дементьев забил первый мяч». Игра закончилась вничью 2:2. В этом чемпионате зенитовцы победили московский «Спартак», выиграла у «Профсоюзов-1». 22 июня нам предстояло играть с московскими динамовцами, но матч не состоялся. Началась Великая Отечественная война.

Игроки «Зенита» и их семьи были эвакуированы вместе с Ленинградским оптическим заводом в Казань. В составе «Зенита» выехали: Борис Левин-Коган, Алексей Пшеничный, Николай Копус, Александр Федоров, Леонид Иванов, Василий Сидоров, Евгений Одинцов, Виктор Бодров, Виктор Смагин и другие.

Мы с женой, как и большинство советских людей, думали, что война закончится нашей победой месяца через два-три. Поэтому в Казань уезжали с легким чемоданчиком, в летней одежде, взяв лишь кое-что из детских вещей. Это оказалось непростительным легкомыслием. Поэтому три года жизни в суровом климате в сельской местности (из

Казани нас перевели в деревню Дербышки) моя семья перенесла особенно тяжело. Последствия такой жизни сказались — у жены после войны заболело сердце, потом началась бронхиальная астма.

По приезде в эвакуацию мы, бывшие игроки «Зенита», работали на лесозаготовках, строили бараки для семей работников завода. Затем я уже был поставлен к токарному станку — изготавливал сложные снаряды с оптикой. Жизнь была тяжелой, полуголодной, впрочем, как и у большинства советских людей в то время. После окончания войны я был награжден двумя медалями: «За трудовую доблесть» и «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны».

После разгрома немецко-фашистских войск — под Сталинградом стала понемногу оживать и спортивная жизнь страны. По договоренности тренера зенитовцев Лемешева с директором завода, на котором мы работали, футболисты приступили к тренировкам еще раньше. В качестве тренировочного «зала» использовали неэксплуатировавшийся склад-сарай с асфальтированной площадкой размером примерно 80 на 30 метров и высотой потолка около 20 метров. Помещение не отапливалось, освещалось тусклой лампочкой, подвешенной где-то под потолком. Крыша подпиралась многочисленными столбами, которые не только мешали, но делали тренировочные занятия небезопасными. На один из таких столбов налетел Евгений Одинцов. К счастью, все обошлось. Но мы были рады даже такому помещению. В зимнее время тренировались после работы по 2-3 часа. В импровизированных воротах из досок стоял молодой вратарь Леонид Иванов.

В 1943 году с разрешения директора завода совершили поездку в Среднюю Азию, где встречались с местными командами. Денег, конечно, за эти игры не получали. Правда, удалось привезти немножко продуктов для наших голодающих в Дербышках семей. В Ташкенте я встретился с Михаилом Павловичем Бутусовым. Сюда он эвакуировался с семьей из Киева, где работал тренером «Динамо». Был он худ, выглядел болезненно. Мы обнялись, расцеловались — старые обиды стерлись, забылись, показались мелкими в сравнении с тем, что приходилось испытывать в военное лихолетье. Он признался, что был передо мной виноват. В Алма-Ате повстречал другого известного футболиста — Иосифа Лившица, игравшего здесь за команду «Динамо».

В 1944 году возобновились официальные футбольные матчи, возрождались старые команды, появились новые. Нас, нескольких зенитовцев, перевели из Дербышек на завод в подмосковных Подлипках. Здесь была создана подмосковная команда «Зенит», которую возглавил один из лучших тренеров страны Константин Павлович Квашнин. Под его руководством успешно выступали московские команды «Динамо», «Спартак», «Торпедо». Он знал все тонкости футбола и, что немаловажно, умел отбирать игроков. Кроме зенитовцев — меня, Иванова, Левин-Когана, Бодрова, Федорова, Смагина, Яблочкина, — Квашнин включил в команду нескольких футболистов из московского «Спартака» — Николая Гуляева, Константина Рязанцева, Алексея Соколова, привез с собой юного Сергея Сальникова.

Приехали мы в Подлипки прямо в рабочей одежде — ватниках, сапогах. Вскоре приступили к тренировкам. В составе этой команды я участвовал в товарищеских встречах и календарных играх на первенство Москвы. После снятия блокады Ленинграда зенитовские футболисты уехали в родной город. Я не смог вернуться вместе с ними в Ленинград — слишком свежи были раны от утрат, которые понесла там наша семья.

Меня приглашали разные московские команды, но пришлось остановиться на «Крыльях Советов», так как здесь были самые большие шансы быстро получить жилье. Поначалу нас разместили в раздевалках Дворца спорта «Крылья Советов». Вместе с нами ждал квартиру и прославленный тяжелоатлет Григорий Новак. Условия жизни были, конечно, очень тяжелые. Наконец, дали квартиру у Белорусского вокзала, но на последнем седьмом этаже в доме без лифта. Возможно, это и привело к заболеванию жены. Но чтобы получить жилье получше, надо было обращаться к начальству. Я же всегда умел отстаивать у начальства только интересы других игроков команды, свои — никогда.

Большое значение для становления команды имел приход опытного тренера Абрама Дангулова — человека мягкого, культурного, хорошо разбиравшегося в футболе. Мне он прямо сказал:

— Будешь в команде дирижером и наставником молодежи!

И эту ношу я охотно взял на себя — помогал советами по технике, вовлекал в комбинации во время матчей. Пришлось немало потрудиться над развитием у молодых футболистов профессиональных навыков. К примеру, с Никитой Симоняном мы отработали прием, связанный с реализацией штрафных ударов. Он становился в «стенку» спиной к воротам соперника, а я мягко и точно набрасывал ему мяч. С разворотом на 180 градусов он бил по воротам. Создавая голевые ситуации во время игры, я не стремился забить мяч сам, а предоставлял эту возможность молодежи. Вся игра строилась на реализации задуманных мною комбинаций.

По своему составу команда «Крылья Советов» была, прямо скажу, слабенькой. Поначалу играли вдесятером (теперь это даже трудно себе представить) — у нас не было крайнего нападающего. Правда, вскоре его место занял юный Сергей Коршунов, ставший впоследствии незаурядным нападающим. А привела его к нам мама, интеллигентная женщина:

— Вот, плачет, хочет играть в футбол, а я не знаю, что делать — разрешать или нет.

Я посмотрел Сергея в игре, посоветовал играть в футбол и, как показало время, не ошибся. В «Крыльях Советов» начинал свой спортивный путь и прославленный Никита Симонян. Восемнадцатилетним юношей приехал он из Абхазии, да так и остался в Москве на всю жизнь. Парнишка мне сразу понравился. Посмотрев его в игре, я посоветовал ему играть не по стандарту, а применять больше творчества. Хорошее впечатление произвел на меня и другой юный игрок, Сергей Сальников — очень техничный юноша с прекрасными данными. Ему я сразу сказал:

— Способности у тебя, Сережа, большие. Из тебя выйдет прекрасный футболист, если не будешь пить, курить и больше будешь тренироваться.

Играла в команде и испанская молодежь — Руперто Сагасты и Агустин Гомес, приехавшие в Советский Союз в 1937 году. Гомес вскоре стал прекрасным футболистом. Его младший брат выступал у нас в дубле. Относился я к молодым футболистам с любовью, «по-отечески», — как недавно признался Симонян.

Наши с Дангуловым усилия не пропали даром. Никита Симонян, Сергей Сальников, Александр Севидов, Сергей Коршунов стали впоследствии большими мастерами кожаного мяча. За время своей спортивной карьеры они не раз встречались с зарубежными соперниками, а вот свой первый международный матч — с английской клубной командой — провели в составе «Крыльев Советов».

Это было в 1944 году. Во Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта позвонили представители одного английского клуба (вспомним, что еще шла вторая мировая война, в которой британцы были нашими союзниками) и предложили организовать встречу в Москве с какой-нибудь из столичных команд. Комитетское начальство приняло вызов и остановило свой выбор на «Крыльях Советов», где было немало молодых талантливых игроков. Когда приехавших англичан спросили, будет матч открытым или закрытым, те ответили, что все равно. А вот наше руководство перестраховалось и решило сделать игру закрытой. Поэтому на трибунах стадиона «Динамо» присутствовали в основном представители аккредитованных в Москве посольств. Для усиления «Крылышек» были приглашены Григорий Федотов и Всеволод Бобров. Но они так и не вышли на поле. Мы выиграли с крупным счетом. Все, кто присутствовал на этой игре, до сих пор вспоминают мою технику. Так, на праздновании моего восьмидесятилетия московский динамовец Василий Трофимов сказал, что он еще не видел в жизни, чтобы кто-то из футболистов так легко обыгрывал сразу по пять соперников.

К этому времени мне уже удалось восстановить спортивную форму, о чем засвидетельствовали не только газеты, но и мои самые преданные болельщики, имевшие возможность сравнить меня до- и послевоенного: «Его нельзя не заметить на зеленом поле, хотя остальные двадцать один игрок превосходят его ростом. Он обязательно «достанет» головой высокий мяч, в какую-то долю секунды раньше своего противника перехватит мяч и точно, быстро, не задерживаясь, его передаст. Правый инсайд команды «Крылья Советов» безукоризненно владеет сложной футбольной техникой. И если вчера команда «Крылья Советов» одержала победу над другой московской командой «Спартак», то в этом большая заслуга Дементьева. Дементьев «блуждал» по всему полю и оказывался там, где закипали жаркие схватки».

Наверное, так я играл и в 1944 году в Иваново во встрече на Кубок СССР. В четвертьфинале мы выиграли у местной команды с крупным счетом 6:0. Именно на этом матче произошла встреча с Дмитрием Шостаковичем. Он появился в раздевалке в перерыве между таймами. Объяснил, что в Иваново оказался проездом (кажется, из Куйбышева). Случайно узнав, что я играю, не удержался и пришел на матч. Все находившиеся в раздевалке искренне обрадовались встрече со знаменитым композитором. Дан гулов стал извиняться за убогость обстановки, в которой его приходилось принимать, — Шостаковича даже негде было посадить. Увидев, что мы сидим прямо на полу, он забеспокоился:

— Ребятки, а вы не простудитесь?

Потом подошел ко мне и как-то тепло и задушевно произнес:

— Знаете, когда вы уехали из Ленинграда, я даже не знал, за кого болеть. Мечтал посмотреть, как вы будете играть после войны. Вы не обманули моих ожиданий!

Выступать в команде, где все без исключения партнеры значительно уступают тебе в мастерстве (а именно так и оценивали мое положение в «Крыльях Советов» специалисты), ой как не просто! Если ты по-настоящему любишь футбол, то в этих условиях обязан действовать на пределе собственных возможностей. Так я и поступал, понимая, что в противном случае невозможно хотя бы на равных сражаться с высококлассными командами, такими, как московское «Динамо», которое в то время было признанным лидером нашего

футбола. Ворота динамовцев защищал блестящий вратарь Алексей Хомич. Левого крайнего Сергея Ильина я без колебания называю лучшим в этом амплуа в нашем футболе за все время его существования. Быстрый, техничный, обладавший точным пасом, нередко он, прорвавшись с мячом полевому краю, резко изменял направление атаки и врвался в штрафную площадку, а затем точнехонько отдавал мяч партнеру, которому нужно было только нанести завершающий удар. Правого крайнего играл Василий Трофимов, по манере игры напоминавший прославившегося позже на весь мир бразильца Гарринчу. Великолепно владел футбольной техникой, хорошо видел поле, тонко чувствовал игру, своевременно выходил к воротам и забивал немало мячей. Очень хорош в отборе мяча, особенно в воздухе, был центральный защитник Михаил Семичастный. Можно представить, как трудно было выиграть у такой команды. Нужно было оставаться предельно собранным, не допускать ни одного промаха, проявлять тактическую мудрость. Тем почетнее была победа:

«С первой до последней минуты матча преимущество на стороне футболистов «Крылья Советов». Своей победой команда во многом обязана инсайду Петру Дементьеву. Он — душа коллектива, его подачи безукоризненны, точны, всегда достигают цели. В нужный момент он переходит в защиту, подает угловые удары. Петр Дементьев отлично владеет футбольной техникой. Его заслуженно называют виртуозом кожаного мяча».

Уже в 1945 году возобновились поездки наших команд за рубеж. В турне по Югославии довелось участвовать и мне, правда, в составе ЦДКА. Руководил армейцами

Борис Аркадьев — один из лучших тренеров в стране, выдержанный, культурный человек.

Кроме меня, «новобранцами» армейцев оказались вратарь из «Крылья Советов» Николай Архаров и московский спартаковец Константин Малинин. К сожалению, чувствовал я себя в Югославии неважно: сильнейший авитаминоз, огромные карбункулы на шее не позволяли в полную силу играть головой, да и температура держалась очень высокая. Несмотря на это, играл я, конечно, с полной отдачей сил. Правда, щадя меня, Аркадьев ставил в каждой из игр только на тайм. Тем временем начальство ЦДКА посылало ему в Югославию телеграммы с одним и тем же текстом: «Почему не играет Дементьев?»

В Югославии мы провели несколько встреч. В Белграде обыграли «Партизан» 4:3 и «Црвену звезду» 3:1. После игры состоялся банкет, на котором присутствовал Иосип Броз Тито. Он поздравил нас с победой, произнес краткую речь.

Запомнился матч в Сплите, красивейшем городе расположенном на берегу Адриатического моря. Местная команда «Хайдук» тогда только что вернулась из поездки в Италию, провела там 20 встреч и все выиграла. Играли югославы великолепно. Техничные, хорошо подготовленные физически, они демонстрировали редчайшую сыгранность. Тем не менее нам удалось обыграть их со счетом 2:0. Послематчевый банкет прошел в ресторане — красивом одноэтажном бревенчатом здании, принадлежавшем ранее русскому эмигранту, который сбежал из Югославии во время ее освобождения нашими войсками. На следующий день нам устроили катание на моторных лодках по Адриатическому морю. Югославская пресса высоко оценила наше мастерство. Газеты поместили фотографии лучших, по их мнению, армейских футболистов: Федотова, Никанорова, Лясковского и мою.

Команда ЦДКА, как и московское «Динамо», была в то время одной из сильнейших в стране. Ядро составляла великолепная пятерка: Григорий Федотов, Алексей Гринин, Валентин Николаев, Всеволод Бобров, Владимир Демин. Особой популярностью пользовался Федотов, начавший спортивную карьеру в подмосковном Ногинске незадолго до войны. Мощный нападающий, с быстрым бегом, обладал прекрасным ударом. По своим физическим данным — это великолепный крайний, но ему приходилось играть центрфорварда, так как место на фланге отводилось Демину — игроку быстрому, техничному, с великолепным рывком, но небольшого роста. У Федотова, Демина и Гринина было великолепное взаимопонимание. Втроем они составляли прекрасный ансамбль, в котором иногда солировал и Гринин. Он делал самостоятельные проходы к воротам противника и часто забивал. Но Бобров превосходил по мастерству всех партнеров. Игрок ярко индивидуальный, он всегда действовал на острие атаки, и его результативность была очень высокой.

С таким соперником «Крылья Советов» и встретились в 1945 году в полуфинальной игре на Кубок СССР. Играли мы очень хорошо, но авторитет команды ЦДКА был так высок, что достаточно опытный арбитр Николай Латышев допустил ряд грубых промахов — назначил в наши ворота три (!) достаточно сом-' нительных пенальти, и встреча окончилась поражением нашей команды — 1:5. Но годом позже мы взяли у армейцев, ставших в том сезоне чемпионами, реванш в матче на первенство. После игры в газете появился дружеский шарж — воздушный десант «Крылья Советов» в ворота ЦДКА.

В 1946 году наша команда выступала в финале Кубка СССР по хоккею с мячом, тогда же мне было присвоено звание заслуженного мастера спорта СССР, правда, не без волокиты. Сначала Всесоюзный комитет по физкультуре и спорту отказал Дангулову в поданном ходатайстве. Тогда генерал-майор Воронин, директор авиационного завода № 30, при котором числилась команда «Крылья Советов», позвонил во Всесоюзный комитет и спросил, какова причина отказа. Как выяснилось, там все еще помнили довоенный инцидент, связанный с моим уходом из ленинградского «Динамо», в разбирательстве

которого участвовал сам А. А. Жданов. Нашему директору было заявлено, что я — против советской власти, и поэтому давать звание заслуженного мастера спорта мне не полагается. Честно говоря, я был просто ошарашен подобным заявлением, поскольку никаких противостанных действий, как мне казалось, никогда не совершал. Сразу стало понятно, почему мне отказали в присвоении звания заслуженного мастера спорта незадолго до войны. Однако генерал-майор возразил командирским тоном:

— Война кончилась, пора все забыть!

Отказать ему спортивные чиновники не посмели.

Глава девятая **Вернулся я на родину...**

В следующем году мне пришлось, к сожалению, расстаться с «Крыльями Советов» и Москвой. Тяжело заболела астмой жена. По совету врачей следовало поменять климат. Я находился в раздумье — куда ехать? Случайно недалеко от своего дома встретил тбилисских динамовцев Бориса Пайчадзе и Гайоза Джеджелаву, направлявшихся на стадион «Динамо». Они бросились ко мне, расцеловали и, узнав о моей беде, сразу же пригласили играть в свою команду. Относительно моих сомнений насчет того, подойдет ли жене такой жаркий климат, сказали: «Будешь играть у нас, а семья будет жить у моря». Я отказался тогда, о чем сожалею до сих пор.

Подходящим показался Киев, где к тому же была команда мастеров. По приглашению Михаила Бутусова и Константина Щегоцкого — тренеров киевского «Динамо», я с семьей отправился в дорогу, которая оказалась очень трудной. Поезда были переполнены. На полпути произошла какая-то авария, и наш вагон отцепили. Все пассажиры сумели перебраться в соседние вагоны, а мы остались ночевать на маленьком полустанке в темном вагоне. Проводник предупредил, чтобы свет не зажигали, так как бандитизм на железной дороге был обычным явлением. Он же помог на следующий день сесть на другой поезд. Нам шестерым, включая пожилую тещу, больную жену и трех детей (младшей было четыре года), досталось одно посадочное место. Я оставшуюся часть пути простоял в тамбуре на одеревеневших ногах рядом с вещами.

Приехав в Киев, мы не узнали город, сильно пострадавший во время войны. Он потерял всю свою живописность. Целые кварталы были разгромлены. Нас поселили в небольшом трехэтажном особняке на Рейтерской улице с остовами разрушенных домов. В нашем доме, который тоже еще восстанавливался пленными немцами, разместилось несколько семей футболистов «Динамо». Мы жили в одной квартире с Абрамом Лерманом.

Во время войны на долю киевских игроков выпали большие страдания. Оказавшись в оккупированном немцами городе, прекрасные украинские мастера Николай Трусевич, Иван Кузьменко, Алексей Клименко, Николай Коротких стали участниками «матча смерти» со сборной «Люфтваффе» и после победы в нем были расстреляны. «Динамо» в послевоенные годы создавалось заново. Были приглашены несколько футболистов из Одессы, Ужгорода и других мест Украины, но они, конечно, не могли сравниться по уровню мастерства с игравшими в команде до войны. Заметными фигурами в ней были лишь полузащитник Виктор Севостьянов, с которым мы стали большими друзьями, и левый крайний Павел Виньковатов. И все же команда представлялась перспективной — в ней собрались молодые, дружные, дисциплинированные парни, нацеленные на овладение премудростями футбола.

На мою долю вновь выпала почетная и ответственная миссия — быть диспетчером, наставником молодежи и вдохновителем атак. Для того, чтобы бороться и побеждать более сильных соперников, приходилось пускать в ход не только все техническое мастерство, но и тактическую изобретательность, смекалку. Характерным в этом

отношении является эпизод из встречи киевских динамовцев с ленинградскими одноклубниками. Я выполняю штрафной, устанавливаю мяч для удара, а ленинградцы формируют «стенку». В ней среди других двое — как мне известно, немного трусоватые по характеру. Поэтому бью в «стенку» на уровне их голов, зная, что они уклонятся. Так и происходит — мяч в воротах, а вратарь ленинградцев с возмущением кричит им:

— Что, трусили?

Оба футболиста понуро склоняют головы.

Выступили мы в сезоне 1947 года неплохо, заняли в первенстве страны почетное четвертое место, за что всем киевлянам были присвоены звания мастеров спорта СССР. В том же году выиграли Кубок Украины. Вскоре после этого начались разногласия между нашими тренерами Бутусовым и Щегоцким. Последний выполнял в команде всю черновую работу, проводил тренировки, бегал кроссы вместе с командой. Бутусов же всегда придерживался своеобразной позиции в подходе к тренировкам, считая, что с каким техническим багажом пришел игрок в команду, на таком уровне и будет

играть, ибо в зрелом возрасте пополнить этот багаж невозможно. Ну, а раз обучать бесполезно, так и незачем тратить время на занятия. После успешных выступлений киевского «Динамо» в 1947 году Бутусову достались все лавры, включая большую денежную премию. А вот Щегоцкий остался обойденным. Разногласия между тренерами закончились в конце концов отъездом Бутусова в том же году в Ленинград.

После отъезда Бутусова, державшего игроков в ежовых рукавицах, в команде начались трения, разболталась дисциплина, что незамедлительно сказалось на ее игре в начале сезона 1948 года. Щегоцкого сняли с должности и пригласили из Москвы Михаила Сушкова — прекрасного тренера и человека, которому, однако, из-за мягкости характера также не вполне удавалось справляться с командой. Запомнился случай в палаточном лагере под Киевом, где проводился сбор. Игравший в дубле довольно бездарный вратарь, взятый из «Шахтера», напился пьяным и угрожал убить Сушкова, если тот не поставит его в основной состав. Испугавшись угроз, Сушков уехал в город, попросив меня провести тренировку. Я, разумеется, находился вне всяких группировок в команде, болея всей душой за ее успехи. Тем временем здоровье жены ухудшилось, душевные киевские вечера только осложнили болезнь. Пришлось снова думать о перемене климата — таков удел всех страдающих астмой. В конце сезона, уже осенью, приехал из Москвы вместе со «Спартаком» брат Николай. Прямо с поезда прибежал к нам домой с наказом от Василия Сталина привезти меня в Москву выступать за команду ВВС. Брату он сказал:

— Не привезешь Петра — посажу!

Я подал заявление об уходе. Меня вызвали в ЦК Компартии Украины, спросили, в чем дело. Я объяснил все начистоту:

— Не подходит для жены климат.

А в шутку добавил:

— Да и стар я стал.

Мне говорят:

— Ну, насчет возраста ты брось — играешь лучше молодых! А вот насчет климата — тут ничего не поделаешь.

Заявление было подписано, я уволен, сидел на чемоданах, а телеграмма из Москвы не приходила. Вместо нее пришло приглашение от Бутусова, вернувшегося в ленинградское «Динамо». Я дал согласие, оформился в команду, получил подъемные, и тут пришла телеграмма из Москвы с приглашением в ВВС. Я постеснялся отказать Бутусову, да и потянуло на родину. Собрали вещи, простились с Киевом и уехали.

Вернувшись в Ленинград, мы не узнали своего родного города — так он изменился за годы войны. Как-то весь потемнел, дома выглядели облезлыми, грязными. Даже Нева не казалась такой прекрасной, как прежде. В душе — боль утрат, в жизни — сплошные житейские невзгоды. Моя квартира на Мойке пропала, как и квартира моих родителей на улице Чайковского — мать умерла в блокаду от голода, отец еще раньше от туберкулеза

легких. Погиб на фронте старший брат Александр. Второй брат Иван прошел всю войну и, к счастью, остался жив, выпрыгнув из горящего танка. Тяжело болели после блокады сестры. Пропала квартира родителей жены — ее отца, морского офицера, убили какие-то мародеры, разграбившие всю обстановку. Погиб на фронте на Синявских болотах под Ленинградом единственный брат жены...

Нас поселили вдали от центра, на улице Благодатной, в доме, где жили почти все футболисты «Динамо». Поселили в коммуналке, хотя при переходе мне, коренному ленинградцу, обещали отдельную квартиру с учетом состава семьи, не говоря уже о моем положении ведущего игрока в команде. Потом выяснилось, что произошла подмена документов при решении квартирного вопроса, к которой приложили руки мои бывшие коллеги из довоенного «Динамо», занявшие теперь административные посты в этом обществе.

Неузнаваемо изменился стадион «Динамо» — стал каким-то неуютным, «чужим». Поле было совсем заброшено, газон крайне низкого качества. Изменились и болельщики — значительная часть старых ленинградских поклонников кожаного мяча погибла на фронтах или в блокаду. Восстанавливать Ленинград приехали совершенно новые люди из разных мест страны. Но самое главное — изменилась сама команда. По уровню мастерства она была средней. Вновь приходилось брать на себя роль лидера и дирижера, спасать престиж Бутусова. Считаю здесь неуместной излишнюю скромность, скажу, что равных мне по мастерству игроков в команде не было. Многие молодые футболисты талантом не блистали, а Бутусов с присущей ему резкостью высказывал свое мнение им прямо в лицо.

Так, футболисту Собакину он говорил:

— Из собаки льва не сделаешь!

Но за неимением лучшего, тренеру приходилось мириться и с таким составом.

По возрасту я был старше всех, но по физическим кондициям не уступал молодежи, а по технике, разумеется, превосходил. И прежде всего потому, что по-прежнему много работал с мячом, бегал кроссы, свято соблюдал спортивный режим. Ну, а психологический настрой на игру у меня всегда был на высоком уровне. Любил перед игрой послушать музыку, пошутить. Это помогало освободиться от нервного напряжения. Михаил Бутусов всегда приводил меня в пример молодым игрокам, которые часто «перегорали» еще до начала матча. Для поднятия настроения на сборах, случалось, я брал в руки гитару, под аккомпанемент которой пели мои партнеры.

Ленинградское «Динамо» той поры, несмотря на все усилия тренеров, оставалось заурядным коллективом. Эпизодически, правда, кое-что получалось. Так, запомнилась победа в 1950 году над «Зенитом», в воротах которого стоял Леонид Иванов. Пропустив четыре мяча, он в сердцах бросил на землю перчатки и сказал:

— Все, бросаю играть!

Или встреча с московскими одноклубниками, которые в последние годы моих выступлений в ленинградском «Динамо» ни разу у нас не выиграли. Матч проходил в Москве. Я плохо себя чувствовал и решил было ограничиться выступлением в дубле. Мы выиграли, а я забил гол в ворота молодого Льва Яшина. Однако Бутусов упросил выступить меня на следующий день и в основном составе. Мы непрерывно атаковали:

«Нападение, возглавляемое хорошо игравшим П. Дементьевым, все чаще и чаще подходило к воротам хозяев поля. Трижды Хомич брал, казалось бы, безнадежные мячи».

В один из таких моментов слышу, как Владимир

Ильин говорит с раздражением своему полузащитнику Леониду Соловьеву:

— Что ты его не можешь удержать — ведь ему почти 40 лет!

Слово «ветеран» все чаще сопровождало даже самые хвалебные отзывы о моей игре. Я и сам понимал, что когда-то придется покинуть поле. Поэтому еще в 1948 году поступил в школу тренеров при Институте имени П. Ф. Лесгафта и успешно закончил ее в 1951 году, получив диплом тренера по футболу и хоккею.

И вот наступил момент, когда мне больше играть просто не захотелось. Футбол всю жизнь был для меня игрой, а не работой. Для игры, для творчества нужен был соответствующий душевный настрой, а мелкие уколы завистников и недоброжелателей в команде и прессе отравляли радость. Вот один из таких газетных перлов: «Прекрасно играл П. Дементьев, отрешившийся, наконец, от индивидуальщины. Его подачи были точны и своевременны, а сам он подвижен и всегда на нужном месте». В этой заметке отношение к индивидуальной игре выражено еще в мягкой форме, бывало, ругали за мое индивидуальное мастерство и похлеще. Поэтому я сказал Бутусову:

— Все, Михал Палыч, больше не хочу играть!

Он стал уговаривать:

— Я поеду в горком, заставлю дать распоряжение злопыхателям-журналистам не травить тебя!

Но я отказался. В полуфинале Кубка СССР 29 октября 1952 года я провел свою последнюю официальную встречу — против «Торпедо». Ушел скромно и незаметно, без торжественных проводов и подарков. Лишь пять лет спустя, в 1957 году, был награжден вторым орденом «Знак почета».

Что касается ленинградского «Динамо», то через год после моего ухода оно было расформировано в связи с неудовлетворительной игрой в чемпионате СССР. Имеется немало объективных причин для такого конца, но многие считают, что решающее значение имел мой уход:

«В нашем футболе был когда-то игрок, не похожий на всех футболистов своего времени и не нашедший преемника в будущем. Имею в виду ленинградского форварда Петра Дементьева, знаменитого «Пеку», воспетого многими перьями своего времени. После ухода Петра Дементьева ленинградский футбол многое потерял и, как известно, не может восстановить своих позиций до сих пор. Конечно, в связи с утратой футбольным Ленинградом своих былых позиций называют много других причин — и причин немаловажных! Однако ничего не поделаешь, и роль отдельного игрока — Дементьева или Федотова, Боброва или Нетто, Яшина или Пеле, Диди или Чарльтона, Эйсебио или Гарринчи — словом, роль яркой личности в коллективной футбольной игре тоже необычайно велика, и потеря ее подчас бывает невозполнимой». (А. Галинский. «СССР? Англия?» // «Сельская молодежь», 1970, № 3).

Мог ли я еще выступать в составе команды? Безусловно. Приведу хотя бы такой пример. В 1952 году ленинградское «Динамо» провело товарищеский матч со сборной СССР, готовившейся к отъезду на Олимпийские игры. Мы выиграли у сборной 3 : 0.

«И все — и зрители, и игроки, и спортивные комментаторы признали, что лучшим на поле был Петр Дементьев, а ему было тогда 39 лет. Остроумнейшие финты, неисчерпаемая изобретательность, виртуозное искусство обработки мяча, головокружительные обманные движения делали Петра Дементьева опаснейшим форвардом» — так писал Лев Кассиль, присутствовавший на этом матче, в статье «Правда о Пекиных бутсах» («Физкультура и спорт». 1963. № 3).

Я ушел, отнюдь не сказав своего последнего слова.

Глава десятая **Прощай, большой футбол!**

Уход из спорта остро переживают все спортсмены, вдвойне тяжелее — мастера высокого класса. Именно так воспринял его я. Не соглашусь, однако, с теми, кто спортивные возможности связывает с возрастом. Многочасовые интенсивные тренировки, строгое соблюдение режима позволяют значительно продлить сроки активной спортивной жизни. Я мог бы принести футболу еще немалую пользу.

Но в ленинградский «Зенит» — единственную тогда в городе команду мастеров — меня не пригласили даже на роль консультанта по вопросам технической подготовки, не говоря уже о должности тренера. Я был беспартийным, а от этого зависело многое, если не все, даже в спорте. В бытность мою игроком ленинградского «Динамо» наш политрук Базовский (тогда в командах были такие должности), относившийся ко мне с большим уважением, вместе с вратарем Грищенко предлагал дать мне рекомендации в партию. Он говорил, что в этом случае я получу любую должность, но я отказался, считая, что не стоит смешивать спорт с политикой и что главное — быть настоящим мастером в своей профессии. Я не подозревал, что такой отказ означает: «Прощай, большой футбол!»

Два года мне все-таки удалось проработать в детско-юношеской спортивной школе при Ленгорно, где мы с тренером Аркадием Аловым готовили футболистов для «Зенита». Здесь выросли такие хорошие игроки, как Анатолий Дергачев, Николай Рязанов, Владислав Гусев и другие. К сожалению, судьба двух первых сложилась очень трагично.

Работал я с большим увлечением. Прочитал множество отечественных и зарубежных пособий по методике тренировки. Из них, правда, ничего мало-мальски полезного не «выудил». Связываю это с тем, что авторы многих пособий были заурядными футболистами, а некоторые — просто далекими от футбола людьми, а значит, и советы их оказывались поверхностными и малозначащими для практики.

Да и что пособия, если в зимнее время в связи с отсутствием закрытого манежа воспитанники школы тренировались на заснеженной поляне Парка культуры и отдыха имени С. М. Кирова. Впрочем, что говорить о манеже, когда у нас не было даже обычного зала. Что же касается рекомендаций по подготовке юных футболистов, то мне представляется уместным рассказать о встрече на одной из тренировок с Георгием Жарковым, где он присутствовал как председатель комиссии Всесоюзного спорткомитета, проверявшей работу школы и прежде всего отчетность и количественные показатели.

Сам он — в прошлом известный футболист, правый полусредний московского «Торпедо» — высоко оценил техническое мастерство наших питомцев. Одновременно заинтересовался, как мы работаем над физической подготовкой, и предложил «новинку» — упражнение на брусьях для развития плечевого пояса, которое, по его словам, широко применяется во всех футбольных школах. Я заметил, что подобные упражнения способствуют закреплению плечевого пояса, а значит, ограничивают такое важное качество футболиста, как ловкость. Жарков сослался на рекомендации ученых одного из научно-исследовательских институтов физической культуры. Подтвердив, что никогда не испытывал особого уважения к так называемым ученым мужам от спорта, ибо спортивную науку возглавляли в основном либо несостоявшиеся спортсмены, либо бывшие номенклатурные работники, я категорически отказался вводить «новинку» в тренировочный процесс своих воспитанников.

В собственной практике я никогда таких упражнений не применял, хотя при необходимости мог выполнять без всяких затруднений. Мог, например, на спор без особого напряжения подтянуться на перекладине столько, сколько хотел. Специально этот снаряд в юношеские годы в процессе физической подготовки не использовал, отдавая предпочтение плаванию, гребле, лазанию по шесту...

В тренировках детей приходилось проявлять немало смекалки и выдумки, тем более что спортивная база и инвентарь не отвечали элементарным требованиям. Однако и эту школу через два года закрыли, а нас, тренеров, уволили, не предоставив никакой работы.

А тут еще подоспела беда — у меня неожиданно начались тяжелейшие припадки эпилепсии. Впрочем, почему неожиданно? «Просто-напросто» сказались многочисленные травмы головы, полученные в футбольных и хоккейных баталиях.

Общество «Динамо», которому я отдал лучшие годы своей жизни и здоровье, не удосужилось помочь мне устроиться на работу, не говоря об оказании какой-то

материальной и даже моральной поддержки. Ни Спорткомитет Ленинграда, ни городские профсоюзы также не интересовала моя судьба и судьба моей семьи. Будто забыли, сколько пламенных речей произносили в мой адрес, утверждая, что таких футболистов в стране можно по пальцам пересчитать.

Начались мучительные годы борьбы с болезнью и безработицей. Готов был заняться любым делом — ведь на моем иждивении были больная жена и трое детей-школьников. Пришлось тренировать какие-то третьеразрядные команды, учить технике игры заводчан, для которых футбол — лишь время проведения досуга, активный отдых, но не искусство, не большой спорт.

Но и от них я требовал соблюдения спортивного режима, воспитывал необходимые физические и волевые качества. Надо сказать, что молодые люди добросовестно выполняли мои требования, регулярно посещали тренировки и не пропускали игр. Заводские команды, которые я тренировал, всегда оказывались в числе призеров первенства города среди производственных коллективов. У меня сохранилась целая коллекция почетных дипломов и грамот.

В частности, работал с командами Балтийского завода — футбольными и хоккейными. Условия были, к сожалению, крайне неблагоприятные — плохая база, нехватка спортивного инвентаря. Тем не менее удалось воспитать игроков для команды «Красная Заря», участвовавшей в первенстве СССР по хоккею с мячом.

Понимая, что у заводских ребят мало времени для тренировок, придумывал такие упражнения, чтобы работа с мячом доставляла им удовольствие. На занятиях всегда было множество зрителей. Почему? Свидетели подтверждают, что чаще всего приходили посмотреть на меня. Юрий Коршак в очерке «Пека» писал:

«Сейчас ему пятьдесят с лишним лет, но старый футбольный гвардеец не изменяет любимому делу. Он и нынче даже в роли наставника способен преподать наглядный урок артистической техники и мальчишке, только что зачисленному в команду, и любому маститому игроку» («Нева», 1968, № 8).

Долгое время я оставался в заводских командах играющим тренером. Участвовал в матчах на первенство города по футболу и хоккею, причем в хоккей играл, когда было уже далеко за пятьдесят.

Вскоре после ухода из большого футбола меня привлекли к участию в играх ветеранов. К первому турниру готовился с большим подъемом и был в такой прекрасной форме, что вместе с другими «стариками» мы легко обыграли в товарищеском матче действующих мастеров «Зенита», возглавляемых тренером Николаем Люкшиновым. Однако закончился этот матч для меня печально. На протяжении всей встречи зенитовец Кравец неотступно следовал за мной, стараясь наступать мне на пятки. На мой гневный окрик: «Что ты делаешь?» он наивно ответил:

— А что, я ведь не бью по ногам!

Я возразил, что это еще хуже, чем бить по ногам. В результате опекун порвал мне связки, и на турнир в Москву я не поехал. Эта грязная игра оставила на душе горький осадок, поэтому участвовать в следующем турнире ветеранов в Москве долго не соглашался. Все-таки уговорили. Разыгрывался приз ветеранов, за который боролись команды Москвы, Ленинграда, Тбилиси и Киева. Первую встречу мы играли с москвичами. Хотя проиграли, но моя игра получила, как и в былые времена, высокую оценку: «Прекрасно играет Петр Дементьев. Он организует все атаки». Встреча с киевлянами за третье место завершилась для меня сильнейшей травмой. Я сидел на трибуне, играть не хотелось, так как плохо себя чувствовал. Но меня упростили выйти на поле — товарищи проигрывали. Я вышел во втором тайме. Во время приема головой низкого мяча бывший партнер по киевскому «Динамо» Лерман грубо атаковал меня, сломав мне ногой ключицу. В больницу я ехать отказался, зная, что семья будет беспокоиться. Незалеченная травма дает о себе знать до сих пор.

Этот турнир надолго отбил у меня охоту к выступлениям за ветеранов. Лишь в 1969 году дал согласие участвовать во встрече ленинградских «Динамо» и «Зенита», приуроченной к празднованию 60-летия городской коллегии футбольных судей. В отличие от погрузневших коллег мне удалось показать бывшее мастерство благодаря хорошей для этих лет спортивной форме. С блестящим остроумием комментировал матч Виктор Набутов. В конце он заявил во всеуслышание, что «Дементьев научил играть в футбол всех, и его спортивный подвиг достоин того, чтобы на стадионе имени Ленина был установлен бюст». Болельщики всех возрастов, заполнившие трибуны стадиона, дарили цветы, пожимали руку. Видно, игра моя им понравилась. И все это несмотря на тяжелую болезнь.

Да, грязную игру вели порой не только на футбольном поле, но и в спорткомитете Ленинграда, и в спортивных советах заводских коллективов. После каждой нервотрепки начинались припадки эпилепсии. А по городу ползли распространяемые функционерами слухи: «Дементьев — пьяница!» Но я по-прежнему не брал в рот ни капли спиртного.

Работать в заводском футболе было невероятно трудно. Прежде всего из-за отсутствия необходимой базы и инвентаря. Да и потому, что у руководства спортивными секциями нередко стояли некомпетентные, а то и нечестные люди. Многие из них не разбирались не только в футболе, но и в спорте вообще, зато умели погреть руки на продаже инвентаря, требовали отдавать часть зарплаты, которая и так-то была у меня мизерной. А если не соглашался, просто увольняли с работы, выставляя меня при этом в глазах общественности как человека с неуживчивым характером.

После очередного увольнения, когда меня просто никуда не брали, я обратился к своей дальней родственнице, работавшей в то время в Смольном. И лишь тогда, в 55 лет, мне определили инвалидность 3-й группы и назначили пожизненную пенсию 55 рублей.

Так я дотянул до шестидесяти, когда в «Динамо» решили торжественно отметить юбилей бывшего одноклубника. Его организацию поручили динамовскому тренеру Валентину Федорову. Отнесся он к этому поручению, мягко говоря, халатно. О моем юбилее не знали не только болельщики из других городов, но даже ленинградцы. Газеты сообщили об этом лишь на следующий день. Поэтому на торжествах оказались главным образом случайные люди — служащие стадиона «Динамо», где отмечалось 60-летие. Поздравлявших можно было по пальцам сосчитать — в основном ветераны ленинградского «Динамо» да футболисты заводских коллективов, в которых я работал тренером. Среди поздравлявших оказались и специалисты кафедры футбола и хоккея института имени Лесгафта, которые за все годы существования кафедры не сумели (или не захотели?) заснять на пленку и изучить технику моей игры, обманные движения, финты. Позволю себе привести это поздравление:

«Коллектив кафедры футбола и хоккея ГДОИФК имени П. Ф. Лесгафта горячо поздравляет Вас со знаменательной датой в Вашей жизни — 60-летием со дня рождения и 45-летием спортивной и тренерской деятельности.

В течение 22 лет Ваше имя звучало в устах любителей футбола, как имя выдающегося игрока, своеобразного, интересного, примечательного. Ваши выступления на футбольных полях нашей страны, на многих зарубежных стадионах оставили неизгладимый след. Недаром иностранные специалисты, которые видели Вашу игру, с восхищением отзывались о Вашем высочайшем индивидуальном мастерстве, называя Вас «жемчужиной» мирового футбола. Вы открыли целую эпоху в современном футболе».

Пришло несколько теплых телеграмм: от футболистов-железнодорожников Октябрьской магистрали, от футболистов Грузии, от старых друзей Володи Кускова и Александра Корнилова:

«Твоя футбольная звезда сияла ярко. Прими искренние поздравления от футболистов, с которыми ты начинал свой блестящий путь».

После юбилея я сам отправился в Смольный с просьбой повысить мне размер пенсии. Но получил отказ — мне там объяснили, что беспартийными пенсионерами не

занимаются. Тогда я пошел в Ленгориспол-ком на прием к председателю комиссии по установлению персональных пенсий В. А. Березову. Он выслушал меня, снял трубку и позвонил партийным лидерам, отказавшим в моей просьбе:

— Вот как, на футбол с участием Дементьева все ходили, сборы он вам делал, да еще какие. А теперь, когда человек болен, пенсию ему боитесь дать!?

Мне же сказал:

— Ничего, Петр Тимофеевич, я вам помогу!

И сделал все, что было в его возможностях: добавили еще 20 рублей к пенсии на иждивенца — больную жену. А в 1974 году с его же помощью размер пенсии повысили до 100 рублей.

В дальнейшем я неоднократно обращался в ленинградский спорткомитет с просьбой об установлении персональной пенсии республиканского значения. Собранные мною для этого документы оказались в руках небезызвестного тренера-теоретика Николая Люкшинова. Он их придержал... А выделенную Ленинграду республиканскую пенсию дали бухгалтеру спорткомитета Алепко. Сочли, по-видимому, что его достижения на финансовом поприще выше моих на спортивных аренах мира, страны и города, что на доходы от футбола существовал сам городской комитет физкультуры, включая главного бухгалтера.

Последний турнир ветеранов, в котором я принял участие, состоялся в Волгограде. По случаю 35-летия матча в Сталинграде после разгрома фашистских войск волжане пригласили динамовские команды ветеранов Ленинграда, Москвы и Киева.

Состав нашей команды определил тренер Валентин Федоров. Практически она была представлена молодыми действующими футболистами. Мне и другим ветеранам там места не нашлось. Наши молодые игроки достаточно легко расправились с другими командами, в которых выступали настоящие «старики»...

В Волгограде, собственно говоря, я оказался по персональному приглашению одного из организаторов турнира — Василия Ермасова. С ним я встречался на футбольных полях в конце 40-х годов, когда он защищал ворота сталинградского «Трактора». Это был вратарь высокого класса. Прекрасно играл на выходах, летящие мячи брал шутя, одной рукой. В те годы «Трактор» представлял собой грозную силу. Среди персонально приглашенных оказался Борис Пайчадзе, который был очень обижен на организаторов, забывших включить динамовцев Тбилиси.

Ветераны встречались с молодежью города, делились мыслями о пережитом. Лично для меня не явились откровением слова киевского футболиста Макара Гончаренко, что в отдельных сезонах он проводил в ворота соперников до 40 мячей, но не считался выдающимся футболистом, потому что тогда забивать голы было не главным. Гораздо важнее было показать красивую, содержательную игру. И делали это за счет разнообразной техники, тактики, чего так недостает в наши дни. Может быть, поэтому теперь так скрупулезно учитывают забитые голы...

Вскоре после этого турнира я вместе с семьей покинул Ленинград, о котором в моей душе остались грустные и даже тяжелые воспоминания. Живу в Москве скромно и незаметно. В отличие от современных игроков, у меня нет и никогда не было ни машины, ни дачи. Получаю небольшую пенсию.

Мои дети — сын Рудольф, дочери Ольга и Муза — получили высшее образование, в чем большая заслуга жены. Младшая, Муза, окончила Ленинградский университет (отделение иностранных языков) и Ленинградский институт авиаприборостроения, была кандидатом в мастера спорта по теннису, защитила диссертацию по спортивным наукам.

Я так и не растолстел, в свои 80 с лишним лет занимаюсь зарядкой, совершаю прогулки, хотя ноги и побаливают (сказываются травмы), но с палочкой не хожу.

В Москве я чувствую дружеское плечо товарищей — ветеранов футбола. Пользуюсь случаем выразить признательность Николаю Петровичу Старостину, Никите Павловичу Симоняну, Российскому футбольному союзу за поздравления с 80-летием.

Благодарю ветеранов ленинградского футбола во главе с Германом Степановичем Зониным, приехавших в столицу, чтобы сыграть в честь моего юбилея матч с местными ветеранами. Моя самая искренняя благодарность двум прекрасным женщинам — экс-чемпионкам мира Ларисе Латыниной и Елене Карпухиной, поздравившим меня от имени Театра спортсменов. К моему большому удивлению, великая Лариса Латынина оказалась моей почитательницей с самого раннего детства, о чем я даже не подозревал.

В Москве много болельщиков, которые помнят мою игру и выражают восхищение ею даже в стихах, как это сделали журналисты Евгений Головкин и Алексей Холчев:

Его игра — явление века,
И люди шли к нему на смотр.
С трибун кричали: «Пека, Пека!»
На поле был Великий Петр!

Часть вторая РАЗМЫШЛЕНИЯ О ФУТБОЛЕ

Глава одиннадцатая Индивидуальная игра — я всегда был ее приверженцем

За долгую спортивную жизнь я испытал на себе все нововведения, связанные с расстановкой игроков: «пять в линию», «дубль-вэ» и так далее. Системы менялись, а меня специалисты и любители футбола на протяжении нескольких поколений признавали ведущим игроком, утверждали, что я обладаю совершенной техникой, высокой физической подготовленностью.

Когда я начинал играть в футбол, этот вид спорта был прост, может быть, даже наивен. Хотелось игры яркой и интересной, которая заинтересовала бы миллионы болельщиков. Это можно было сделать за счет обманных движений, финтов, явившихся результатом моего собственного творчества. Я никому не подражал, все придумывал сам. Поэтому таким неожиданным, по словам очевидцев, стало мое появление в большом футболе:

«Маленький (163 см) и упругий, как литой мяч, он с быстротой метеора мелькал между прославленными защитниками московской команды. Игры с его участием проходили при переполненных стадионах. Каждому не терпелось посмотреть, как этот маленький виртуоз будет обыгрывать высоких и складных парней с громкими именами. Каждый раз, когда мяч попадал ему в ноги, трибуны начинали гудеть и затем разражались криками, приветствуя очередной трюк «маленького гиганта» (Н. П. Старостин. «Форварды сборной» // «Наука и жизнь», 1965, № 6).

Разумеется, я пришел в футбол не на пустое место.

В то время имелись мастера, отличавшиеся безукоризненной игрой головой, точностью паса, выверенными до миллиметров ударами по воротам. Это братья Старостины, Михаил Бутусов, Федор Селин, Виктор Шиловский, Иван Кузьменко, Михаил Семичастный и другие. Каждый отличался своей манерой игры. Собственная манера была и у меня: «точное мягкое обращение с мячом, виртуозный дриблинг, предельно расчетливые передачи, четкий неожиданный удар по воротам». (В. Владимиров. «Четверть века на футбольном поле» // «Вечерний Ленинград», 1957).

Свой индивидуальный почерк, неповторимый стиль имела в то время и каждая команда. Он отражал содержание игры ведущих футболистов клуба.

С горечью, однако, приходится констатировать, что уже в предвоенные годы наметилось отрицательное отношение к индивидуальной игре. В прессе она не раз признавалась чуждой советскому футболу. Утверждалось, что игра должна быть только

коллективной. Приведу пример одного из таких выступлений, помещенного в «Ленинградской правде» за 1936 год:

«Свой пятилетний юбилей международных и междугородних матчей Дементьев встречает в расцвете мастерства. Сейчас он красноармеец, и служба в Красной Армии дисциплинировала Дементьева. Дементьев является дисциплинированным членом спортивного общества «Динамо». Он живет интересами своего коллектива, и в этом следует искать причину его отказа от индивидуальной игры».

Все далеко не так. Я всегда отдавал предпочтение индивидуальной игре. Поддержать мяч любил, потому что владел им прекрасно. Никогда не стремился отделаться от мяча, подобно многим современным футболистам. Такого, как сейчас, не было: сделает команда счет, а потом уходит вся в защиту, и ее игроки катают мяч друг с другом без продвижения вперед.

В нашей команде меня просто просили поддержать мяч. В начале игры — Бутусов, чтобы «разбегаться», в середине — Кусков и Елисеев, чтобы передохнуть. Такое позволял мне и тренер Батырев. Он говорил: «Забейте, ребята, голов пять, потом пусть он поиграет, а вы отдыхайте».

Чтобы длительное время удерживать мяч, надо было не только хорошо им владеть, но еще и уметь творить на поле. Обычно в игре я применял столько приемов, что противник в конце концов запутывался и даже падал, теряя равновесие, — вот это и есть филигранная техника.

В довоенные годы защитники и полузащитники, мечтавшие попасть в сборную СССР, перед отборочными играми умоляли:

— Пека, не верти, дай хоть попасть в сборную!

— Ладно, — смеялся я, — но шоколад готовь!

Наибольший простор фантазии и творчеству давали, конечно, товарищеские встречи. Можно было не думать об очках, а играть так, как хотелось, в свое удовольствие, а значит, доставить удовольствие зрителям. Помню, в 1945 году московские «Крылья Советов» проводили в Куйбышеве товарищескую встречу с местной командой. Мы имели большое преимущество — счет был уже «сделан». Тогда-то товарищи по команде попросили поддержать мяч. Буквально толпой за мной бегали соперники, но так и не смогли в течение нескольких минут отнять его у меня. На трибунах стоял хохот, а незадачливые игроки предлагали насмешникам выйти на поле и попробовать самим.

Герман Зонин, который в годы наших совместных выступлений был еще совсем молодым футболистом, а впоследствии стал известным тренером, до сих пор не может забыть матч в Донецке на первенство страны, когда после моего очередного трюка присутствовавшее на стадионе правительство Украины поднялось с мест и зааплодировало.

Бесспорно то, что индивидуальное мастерство игроков всегда приносило пользу команде. Ведь очевидно, что владеющие обманными движениями способны отвлечь на себя внимание сразу нескольких соперников, тем самым освободить от опеки своих партнеров. В нашей команде моя манера игры часто позволяла Бутусову забивать голы без помех. Так было и в сборной СССР.

Со временем в советский футбол пришло новое поколение высокотехничных футболистов: Борис Пайчадзе, Гайоз Джежелова, Александр Пономарев, Николай Дементьев, Сергей Соловьев и многие другие. В то время господствовала система «дубль-вэ». Однако она не подавляла индивидуальное мастерство игроков, хотя и требовала от них хорошей физической подготовленности. Держали порой — и меня тоже — сразу по два соперника. Но техника у игроков в то время была высокой, и футбол не терял своей зрелищности.

В послевоенные годы по-прежнему выделялись яркие представители индивидуального стиля: Всеволод Бобров, Василий Трофимов, Никита Симонян, Сергей Сальников, Иван Кочетков и другие футболисты.

Вместе с тем отрицательное отношение к индивидуальной игре все же возрастало. Приверженцев ее стали считать чуть ли не тормозом в развитии футбола. Футболистов, демонстрировавших индивидуальную технику, упрекали в отсутствии чувства коллективизма. Мне за это доставалось чаще других. Но, несмотря на критику, ничто не могло заставить меня отказаться от такой манеры игры, от творчества, от всего того, что так нравилось зрителям. Это по достоинству оценивали знатоки, например, Борис Пайчадзе:

«Пека Дементьев — явление в нашем футболе. Ему должно быть отведено особое место в истории советского футбола. Почти все, что делал Пека на поле, было ново, интересно, неожиданно и, естественно, привлекало внимание. Никакого футбольного образования он не получал и не тренеры учили его виртуозности, финтам, обводке и многому другому. Я считаю, что именно от него идет в нашем футболе зарождение виртуозной, техничной игры, той, за которую и самого Дементьева и его последователей окрестили индивидуалистами. А этот ярлык, было время, считался у нас не очень лестным».

Тот же Пайчадзе отмечал в одной из своих публикаций, что чаще всего против индивидуальной игры ополчались тренеры — бывшие футболисты, которые сами не владели ее навыками и были далеко не сильнейшими в командах. Деятельность таких тренеров, не умевших подбирать игроков, упростивших процесс тренировки, особенно пагубно сказалась на судьбе футбола после ухода из команд футболистов моего поколения.

Возразить новаторам было невозможно. Пресса просто не пропускала критические статьи. Помню, после поражения сборной СССР от сборной Бразилии на чемпионате мира ко мне в Ленинград приехало несколько корреспондентов с просьбой высказать свое мнение об игре нашей команды. Я отказался, зная, что такую статью все равно не напечатают. Однако один из корреспондентов проявил настойчивость и уговорил меня написать вместе с ним. Статья вышла, но от первоначального текста фактически ничего не осталось. Смысл моих слов был полностью искажен. У меня же сохранился оригинальный текст, и я хочу его здесь воспроизвести:

«На мой взгляд, причины отставания нашего футбола кроются в упрощении самой игры, ее тактики и особенно техники. Низкая техника сковывает творчество, обедняет тактические замыслы, делает футбол примитивным, несмотря на возрастание скоростей, перемещения игроков, правда, зачастую без мяча. Корни этого явления — в неправильной методике тренировки. Годами тренировочная работа базируется на больших объемах нагрузок на выносливость (общая физическая подготовка, кроссы) в ущерб работе над техникой. Зачастую отрабатываются не игровые элементы, а элементы стандартных положений: работа с мячом в квадрате, передача мяча, стоя на месте, удары по воротам с места. В заключение — двусторонняя игра с обязательной установкой на нее тренера.

Занятия в командах, как правило, не стимулируют творческого роста футболистов. Правда, в планах и конспектах тренеров отводится немало места индивидуальным занятиям, пишется даже об обязательной отработке финтов, обманных движений. Но дальше этого дело не идет, так как многие тренеры просто не способны эти приемы продемонстрировать. Игры также проходят по плану тренеров, и нередко за малейшее отклонение от него игроки строго наказываются. Отсюда стремление побыстрее отделаться от мяча, а не переиграть соперника, пройти с мячом к воротам, забить гол». Конечно, эту статью не пропустили.

Однажды, уже сам являясь тренером, я наблюдал, как проводил занятие в «Зените» тогда еще малоизвестный Юрий Морозов. Он и его подопечные сажали на плечи игроков и с ними на плечах играли трое на трое, а по сути дела — просто медленно ходили с мячом. Не знаю, какая польза в этом упражнении... Помню, когда на сборах на юге приходилось бегать десятикилометровые кроссы по методике Николая Люкшинова — одного из тех, кто загубил ленинградский футбол в послевоенные годы, — то чувствовал

мяч хуже. Некоторые футболисты смотрели на подобные нововведения с юмором. К примеру, надевали по две пары тапочек, объясняя тренеру, что одна пара не выдержит.

Справедливости ради замечу, что на протяжении всей моей долгой спортивной карьеры ни один тренер никогда не давал мне установки на игру — не сковывал мои возможности в плане техники и тактики. Благодаря этому всегда сохранялся только мне присущий стиль игры. А ведь известно, что именно под действием тренерских установок многие молодые игроки, приходившие в команды мастеров, теряли свою индивидуальность, останавливались в творческом росте.

Уместно в этой связи привести слова из публикации Константина Бескова по итогам чемпионата мира 1974 года в Западной Германии. Он писал: «Пока с молодежью занимаются главным образом бывшие футболисты, из которых далеко не каждый получил необходимое педагогическое образование. Поэтому тренеры команд вынуждены тратить массу времени на обучение новобранцев тем техническим приемам, которые они должны были бы еще ранее освоить назубок» («Известия», 18 июля 1974 года). Не могу не согласиться с Бесковым в том, что включение в команды мастеров игроков, не владеющих техникой, — явление недопустимое. Более того, уверен, что и обучать-то их не стоит — слишком поздно. Всем арсеналом футбольной техники надо овладевать до 16 лет.

По моему глубокому убеждению, к молодежи, особенно детям, следует допускать в качестве тренеров только бывших игроков, причем самого высокого класса. Работе с детьми надо придавать особое значение, поскольку именно в юном возрасте закладывается фундамент мастерства. Тренировать детей необходимо творчески, ни в коем случае не превращать занятия в скучную работу. Неумелые тренеры зачастую переносят принципы и методы, годные для взрослых спортсменов, на детей, проводя сплошь и рядом только двусторонние игры. А надо обязательно использовать различные подвижные игры, направленные на развитие ловкости, сообразительности. Каждая встреча с мячом должна приносить им радость.

Полностью не согласен с одним из высказываний другого известного футболиста Игоря Нетто. Как-то ему пожаловались ребята из детской спортшколы, что тренер с ними не работает, предоставляя возможность действовать самостоятельно. Вот что ответил Нетто, сославшись на то, что, дескать, Петр Дементьев развивал в детстве свое мастерство, не прибегая к помощи тренера:

«И сказочные финты Петра Дементьева, легендарного Пеки — итог огромной самостоятельной работы и огромной любви к футболу... И, может, это прозвучит не очень педагогично, я считаю, что, если тренер слишком рано начнет кропотливо работать с ребяташками, это вред. Он их всех сделает одинаковыми, а им, чтобы индивидуальность проявить, надо больше самим бегать, играть» («Советский спорт», 1 сентября 1982 года).

Считаю, что это в корне неверно. Именно из-за равнодушия тренеров, а может, просто из-за неумения работать с детьми они уходят из спорта в раннем возрасте. С детьми надо работать кропотливо. Поскольку все дети разные в плане физических качеств, умственного развития, наконец, психических особенностей, то у каждого проявится свой почерк, и будет видно, из кого получится первоклассный футболист, из кого нет.

Только высококвалифицированные в прошлом игроки способны продемонстрировать технические элементы футбола, показать, как поставить ногу при разных ударах по мячу. Об этом меня часто просили даже футболисты команд мастеров.

Работу с мячом тренер обязан сочетать с развитием физических качеств — в своей тренерской деятельности я этого правила придерживался всегда. Вот, к примеру, такое великолепное упражнение, как прыжки через барьеры. В сочетании с работой с мячом это упражнение позволяет отрабатывать точный пас, скоростные качества, прыгучесть. Тренируя взрослых, обычно устанавливал в ряд пять-шесть таких барьеров на расстоянии порядка двух метров друг от друга. Сам занимал место у последнего барьера, располагаясь с ним на одной линии, и выдерживал дистанцию в несколько метров в

зависимости от того, какую передачу мы отрабатывали — среднюю или длинную. Игрок, стоя у первого барьера, мягким ударом ноги направлял мяч вдоль всего ряда и тут же начинал перепрыгивать барьеры. Преодолев последний, он обязан был сделать поперечную передачу мне, развернуться и бежать по диагонали для выполнения завершающего удара. Я же, получив от него мяч, пасовал низом в направлении ворот. Он подбегал к мячу и бил с ходу по воротам.

Почему зачастую зарубежные игроки-профессионалы превосходят наших футболистов в мастерстве? Прежде всего потому, что они больше тренируются с мячом, овладевая умением своевременной передачи, обводки, удара по воротам. Высокое техническое мастерство позволяет им сохранить к концу игры и больше сил, чем нашим футболистам. Потому-то они у нас чаще выигрывают.

Глава двенадцатая **Стал ли сильнее современный футбол?**

Футбол, с которым расстался много лет назад, по-прежнему остается частью моего «я». Смотрю трансляции матчей по телевизору, слушаю со стадионов радиорепортажи. Я в курсе событий на чемпионатах мира, в европейских кубках, первенствах страны. Внимательно слежу за появлением новых звезд. Всегда неравнодушен к отечественному футболу, особенно переживаю поражения сборной страны и клубов от зарубежных команд, а это, к сожалению, явление нередкое. Ищу причины неудач, анализирую, сравниваю.

Есть вопрос, который всегда волновал и волнует болельщиков, — стал ли сильнее современный футбол? На него я ответил бы так. Если говорить об общем уровне развития мирового футбола, то в целом он, конечно, возрос. Последний чемпионат мира в США показал, что к мировым стандартам подтянулись даже такие страны, в которых футбол ранее вообще не культивировался. Взять хотя бы команду Камеруна, которая на равных играла с фаворитами первенства — Бразилией и Швецией, или сборные Нигерии и Саудовской Аравии.

В то же время первенство мира подтвердило, что современный футбол не стал зрелищнее. Первое место досталось Бразилии по справедливости, поскольку ее технический уровень в целом был выше, чем у остальных. Но на этот раз звезд у бразильцев не было, поэтому даже наша довольно слабая команда на их фоне не выглядела удручающе.

Сборная Италии, занявшая второе место, играла откровенно в защитном стиле, дабы сохранить ничейный результат и попытаться счастья в послематчевых пенальти. Такая тактика и стала причиной поражения итальянцев в финале, равно как и непростительные для игроков высокого класса, вроде Роберто Баджо, промахи при пробитии одиннадцатиметровых. Экс-чемпион мира команда Германии, выигрывавшая всегда за счет прекрасной физической подготовки, на этот раз выглядела слабой в этом отношении. Тренеры сделали ставку на ветеранов и почти не изменили состав команды, выступавшей на прошлом первенстве мира в Италии, за что и поплатились. Самой ровной по уровню физической да и, пожалуй, технической подготовленности была сборная Швеции.

Все участники чемпионата действовали примерно в одинаковом стиле — коллективная игра с пасами поперек поля и отдачей мяча назад. Не было красивых обманных движений, красивых пасов, красивой обводки, красивых голов. Зато было много неточных передач, ударов выше ворот даже с двухметрового расстояния.

Во время просмотра игр чемпионата мира у меня невольно возникала ассоциация с упражнением «игра в квадрате», придуманным в свое время Борисом Аркадьевым. Казалось, что команды выполняют это упражнение в квадрате большого размера: в одно касание, с неоправданно большим числом поперечных передач с целью вытянуть

побольше соперников из защиты и облегчить проход своим игрокам к воротам соперника для завершающего удара. Из-за этого развитие атак затягивалось и зрелищность пропадала.

И еще. Современный футбол стал медленнее, особенно отечественный. Снизилась скорость перемещения игроков на поле. Раньше были передачи продольные, диагональные, высокие, низкие. А сейчас? Я — тебе, ты — мне, я — назад вратарю. Вот и вся игра. Нет скорости, так как нет техники. Отсюда боязнь потерять мяч — ведь теперь у ворот скапливается больше игроков, а при отсутствии техники к воротам не пройдешь. Поэтому так мало голов.

Прежде в футболе прекрасно сочетались два основных компонента зрелищности — скорость и техника. Вспомним команду тбилисского «Динамо» времен Бориса Пайчадзе, Гайоза Джеджелавы и Автандила Гогоберидзе. Скорости были, да еще какие! Вообще Пайчадзе я всегда считал одним из самых техничных футболистов, а значит, моих самых любимых. В подтверждение приведу такой забавный эпизод. Однажды после войны, когда я играл в «Крыльях Советов», мы с женой вернулись домой с матча и застали мою тещу, пожилую женщину очень маленького роста, стоящей на стуле у подвешенного на стене репродуктора. Увидев нас, она недовольно замахала руками: «Тише, Пайчадзе играет!» Очевидно, мое восхищение игрой Бориса Пайчадзе, частые разговоры о его игре у нас в семье передались и ей, с детства воспитанной без всякой любви к спорту, жене морского офицера. И она стала страстной поклонницей тбилисского «Динамо» и, конечно, Пайчадзе.

Что характерно для многих современных футболистов? Прежде всего неумение выполнять завершающие удары по воротам, останавливать мячи, летящие с большой скоростью. Этим грешат даже опытные. Нынешние игроки не умеют уводить противника в сторону, чтобы дать партнеру возможность свободно играть, не владеют обводкой.

Думается, причиной тому отсутствие тренеров, умеющих готовить высококлассных игроков, вооруженных совокупностью технических приемов, в том числе обманных движений, финтов, — словом, способных показать виртуозную, доставляющую радость зрителям игру.

И последнее замечание. Хочу напомнить, что сейчас качество футбольного инвентаря, включая мячи, бутсы, повысилось до такого уровня, о котором мы и мечтать не могли. Мячи в наше время были настолько тяжелее по весу, что не каждый игрок нынешних сборных команд мог бы добить его до ворот. А вот у Бутусова с его «пушечным» ударом мяч летел как ядро. Форма мяча была не идеально круглой, как теперь, а с выпуклой шнуровкой. Можете представить, насколько труднее было освоить технику владения таким мячом, а тем более пронести его на голове, жонглируя, 20-30 метров и так на голове внести его в ворота соперника. А мне удавалось это не раз даже во время самых ответственных матчей. Как считают многие специалисты футбола, это был настоящий цирковой номер, который вряд ли удастся повторить кому-либо из современных футбольных звезд.

Возможно, поэтому так часто писали, что мое мастерство и «понины является эталоном для тех игроков, которые стремятся овладеть разнообразными приемами обводки и обманных движений» (М. Юрьев. «Юбилей Петра Дементьева» II «Футбол», 1973), а некоторые авторы выражались еще категоричнее: «Да, футболистов, подобных Петру Дементьеву, в нашем футболе не было и, наверное, не будет» (И. Бару. «Тимофеич» // «Советский спорт», 2 февраля 1975 года).

Откровенно говоря, очень хочется, чтобы это пророчество не сбылось. Сейчас у нас создаются профессиональные клубы, где имеются прекрасные условия для тренировок, обеспечивается достаточно высокий жизненный уровень спортсменов, разрешаются зарубежные турне. Теперь футболист может без страха думать об уходе из спорта из-за травм или по возрасту. Вместе с тем возрастают требования к профессиональному

мастерству футболистов, усиливается конкуренция, что, в свою очередь, требует постоянного совершенствования футбольных знаний и умений.

Наши молодые футболисты должны знать, что за ними стоит большая славная история отечественного футбола, которую почему-то стараются принизить, забывая о своих звездах и возводя на пьедестал то одну, то другую зарубежную звезду.

Так, в 1958 году на чемпионате мира в Швеции весь мир поразила виртуозным техническим мастерством команда Бразилии. Ее игра стала эталоном для мирового футбола. Бразильцы побеждали затем в 1962 и 1970 годах. Юные и взрослые футболисты планеты пытались копировать игру бразильцев, особенно Пеле, являющегося и поныне кумиром многих профессионалов и любителей этого прекрасного вида спорта. Записи игр с его участием на киноплёнках и видеолентах рекламируются повсюду, где культивируется футбол.

Многие из специалистов пытались сравнивать меня с Пеле. Вот несколько цитат:

Аркадий Галинский: «В нашем футболе тоже был когда-то игрок, не похожий на всех футболистов своего времени и не нашедший преемника в будущем. Мы тогда ничего еще не знали о бразильцах и лишь гораздо позднее смогли понять, что, будучи русским по рождению и украшая русский футбол своей удивительнейшей виртуозной игрой, он был и подлинно бразильским фокусником и жонглером мяча. Имею в виду ленинградского форварда Петра Дементьева, знаменитого «Пеку», воспетого многими перьями своего времени...» («СССР? Англия?» // «Сельская молодежь», 1970, № 3).

Николай Соколов: «Вот сейчас много говорят о Пеле. А я так считаю, что в лице Петра Дементьева мы уже давно имели своего Пеле. Этот русоголовый ленинградец поистине был виртуозен. Отнять у него мяч практически было невозможно. Его дриблинг, его тончайшие и умнейшие передачи, его игра головой вызывали восхищение и всегда овацию на трибунах». («Футбол всегда рядом» // «Спортивная жизнь России», 1967, №6).

«И поныне легендами овеяно имя заслуженного мастера спорта Петра Тимофеевича Дементьева. Жаль, что в годы его молодости наши команды не участвовали в чемпионатах Европы и мира, Олимпийских играх, а то бы, возможно, знаменитого Пеле называли бы сейчас бразильским Дементьевым». («Волшебник кожаного мяча» // «Искорка», 1973, № 12).

В день своего 60-летия я получил поздравление от ленинградца Александра Михайловича Кузьмина:

«Дорогой Петр Тимофеевич!

Сердечно рад поздравить Вас со славным шестидесятилетним юбилеем! От имени многих тысяч ленинградцев, истинных почитателей Вашего выдающегося таланта, шлю Вам свое стихотворное признание.

Ваша игра на футбольном поле, как и всякое выдающееся искусство, до сих пор заставляет трепетать сердца любителей кожаного мяча.

Превознося бразильского кумира, мы отдаем предпочтение своему Пеке!

Доброго Вам здоровья еще на много, много лет!»

К поздравлению прилагалось стихотворение, озаглавленное «Пеле и Пека». Написано оно поэтом-любителем в форме довольно длинной поэмы. Поэтому приведу лишь несколько строчек из нее, которые мне больше всего понравились:

Нам не забыть тех дней раздольных,
Пору тридцатых славных лет,
Когда на всех полях футбольных
Чертил Дементьев яркий след.
И этот след в сердцах народных
Всегда останется живым!
Примером ярким, благородным,
Как назиданье — молодым!

Для назиданья молодым я и хочу дать свою оценку современным звездам футбола, и прежде всего Пеле, который мне, увы, не нравился никогда, даже в самом расцвете его таланта. Почему? Да просто я не считаю его высокотехничным футболистом — ведь в его арсенале было, дай бог, два-три финта. А славу его считаю преувеличенной. Не вредно напомнить, что добрую половину его успехов следует отнести за счет тогдашней сборной Бразилии. Вспомним, кто в ней играл — Гарринча, Диди, Вава, Загало! Неудивительно, что, когда их уже не было в составе сборной, Пеле фактически не смог играть.

В бразильской сборной мне особенно нравился Гарринча. Он был намного техничнее Пеле, самобытнее, оригинальнее, но превосходил его по скромности и уступал по деловым качествам, как все творческие личности. Его финты, обманные движения были превосходными. Пеле же был весьма прямолинейным игроком.

Намного выше Пеле я ставлю португальца Эйсебио. Его отличали красивая мягкая игра, великолепные прием и отдача мяча, точные скрытые удары по воротам. Кстати, по мнению моей жены, большой поклонницы Эйсебио, его игра больше всего напоминала мою.

Меня пытались сравнивать и с англичанином Стэнли Мэтьюзом, но больше в плане спортивного долголетия:

«Он ушел из большого футбола, чуть-чуть не дотянув до 40 лет. Знаменитый английский форвард Стэнли Мэтьюз, которому королева Великобритании Елизавета даровала титул пэра Англии, продержался на краю нападения в своем клубе до 50 лет.

Не умаляя заслуг Мэтьюза перед мировым спортом, специалисты утверждают, что талант «маленького гиганта большого футбола», талант русского самородка Петра Дементьева был во много раз ярче и тоньше, чем великолепные способности С. Мэтьюза. Дементьев открыл целую эпоху в советском футболе». (Г. Попов. «Пека» // «Чего не знает болельщик». М.: Физкультура и спорт, 1970).

Вообще у нас привыкли преклоняться перед иностранными звездами, забывая о своих собственных, а их у нас было немало. Взять того же Пайчадзе. В моем представлении этот быстрый и техничный игрок может быть причислен к клану лучших футболистов Европы и мира. Пайчадзе отличало не только высочайшее индивидуальное мастерство, но и тонкое взаимопонимание с партнерами по команде — с ним играли такие великолепные мастера, как Джеджежава и Гогоберидзе. Тбилисская команда тех лет чем-то была похожа на прославленную сборную Бразилии — темпераментом, техничностью, корректностью.

Могу привести и еще один довод. Перед войной в Ленинград был приглашен тренер из Чехословакии. Приехал, пробыл месяц, провел несколько тренировок, которые, кстати, мне совершенно не понравились, и уехал, сказав на прощание:

— Да вы лучше нас играете и о футболе знаете не меньше, особенно Дементьев. Так что учить вас нечему.

Или взять Кубок европейских чемпионов 1990 года, когда московский «Спартак», выступавший в том сезоне не очень уверенно, взял да и выбил из розыгрыша итальянскую команду «Наполи» вместе с прославленным аргентинцем Диего Марадоной, которого наглухо закрыл никому тогда не известный спартаковец Василий Кульков. Ссылаются на плохую форму Марадоны, на непогоду. Но для высококлассного футболиста это не оправдание. Напротив, именно в сложных условиях истинные мастера имеют возможность продемонстрировать свое превосходство над менее техничными игроками, для которых такие поля — настоящая катастрофа. Возможно, избыточный вес не позволил Марадоне показать высокие скоростные качества. Но факт остается фактом.

Так что судите сами, стал ли сильнее современный футбол и стоит ли преклоняться перед заграничными футбольными кумирами...

Глава тринадцатая

Уроки мастерства

Свою книгу я назвал «Футбол начинается в детстве», ибо убежден, что основы мастерства закладываются в раннем возрасте. Вот почему в заключение я обращаюсь именно к юным футболистам и молодым тренерам.

Мой юный читатель! Ты любишь футбол и, конечно же, ставишь целью не просто гонять мяч по полю. Ты хочешь, чтобы эта увлекательнейшая игра приносила радость творчества, радость борьбы. Тогда ты должен знать, что для этого потребуется огромный и напряженный труд — сначала по овладению азами футбола, а затем и мастерством. Помни, что на этом пути ты познаешь не только радость побед, но и горечь поражений — к этому тоже надо быть готовым.

Мои спортивные достижения многие связывают главным образом с природным дарованием: по образному выражению одного журналиста, я родился «с мячом в ногах». Возможно, что в какой-то мере они правы. Но, уповая только на природные данные, можно запросто остаться ни с чем. Их надо постоянно развивать и совершенствовать. Так поступал я. Не отличаясь богатырским сложением, скорее наоборот, имея небольшой рост и вес, я делал все возможное, а порой и невозможное, чтобы достичь вершин футбольного мастерства. И порукой тому была прежде всего большая любовь к футболу.

Изо дня в день я работал над развитием физических качеств, закаливанием организма — до сих пор по утрам обливаюсь холодной водой. Зато зимой не боялся холода — играл в хоккей в одной фланелевой рубашке в любой мороз. Прекрасно переносил и тридцатипятиградусную жару во время игр на юге страны. Много работал над развитием скоростных качеств, выносливости.

Но прежде всего работал с мячом. Набор занятий — упражнений, предлагавшихся тренерами, — мне всегда представлялся упрощенным. После таких тренировок продолжал заниматься самостоятельно.

С детских лет работал с мячом так, чтобы он был мне полностью послушен, как говорили, был «привязан к ногам веревочкой». Такое чувство мяча помогало, не отвлекая внимания на него, лучше оценивать игровые ситуации, возникавшие на поле. Одновременно ведение мяча без зрительного контроля позволяло видеть, куда выгоднее его отдать, а главное — замечать идущего на меня соперника. Видеть, как он меня атакует, и, следовательно, иметь возможность его обмануть, ввести в заблуждение с помощью финтов.

Уже в пору, когда специалисты и любители футбола признавали меня мастером, я по-прежнему тренировался по пять-шесть часов в день, причем чаще всего с мальчишками. В том был особый смысл. Партнеры были быстрыми и ловкими и, что немаловажно, не били по ногам, не травмировали. В играх с ними я оттачивал технику.

Много внимания уделял игре головой — обязательно с открытыми глазами! Поэтому в матчах мне удавалось выигрывать верховые мячи у любого высокорослого противника благодаря природной прыгучести, которую я развивал с детства в подвижных играх, а позже в многократных прыжках со скакалкой.

На мой взгляд, игра головой является одним из важнейших компонентов техники. Совершенное владение этим приемом позволяло мне проносить мяч на голове 20-30 метров и тем самым наращивать темп атаки, совершать острые проходы к воротам соперника.

К сожалению, многие футболисты, играя головой, чаще всего стремятся лишь отбить мяч. Этому подчинены и тренировки: прыжки «потокком» под висящий мяч или баскетбольный щит без определенной цели, без борьбы.

Чтобы достичь технического совершенства, следует с самого раннего детства отрабатывать разнообразные приемы ведения мяча, удары, передачи, остановки.

Способов ударов по мячу великое множество — с места, по уходящему, катящемуся по земле, летящему навстречу и сбоку. При ударах по летящему мячу корпус надо отклонять в сторону и вниз в направлении, противоположном направлению летящего мяча. Бьющую ногу необходимо располагать параллельно земле. Удар по встречному мячу во фронтальной плоскости выполняется серединой подъема. При этом мяч надо принимать мягко, чтобы он не отскакивал от ноги, и при ударе направлять его подъемом ноги.

Юные футболисты обязаны учиться выполнять удары в падении по катящемуся и летящему мячу. Удары по летящему мячу можно выполнять с приемом его на грудь. В момент отскока мяча от груди наносить удар через себя в падении.

Существует и такой прием. Мяч останавливается грудью. Чтобы он не отскочил, путем расслабления грудных мышц следует погасить его скорость. Затем, развернув корпус на 180 градусов (повернувшись спиной к сопернику), можно достаточно легко уйти от соперника с мячом.

Нередко в своей футбольной практике я применял сильный резкий удар по воротам из-под себя. Это был мой «фирменный» удар, чрезвычайно эффективный, ибо, как правило, являлся неожиданным для вратаря. Обычно я применял его при завершении острого прохода к воротам соперника, охраняемым несколькими защитниками. В такой ситуации незаметно выполнить удар всей ногой очень трудно, да и велика опасность травматизма. Тогда я отводил назад только голень и резко и сильно бил по мячу, а затем сразу же убирал ногу, чтобы не получить травму.

В ситуации, когда находился спиной к воротам соперника (опекун за спиной в метре), поступал так: перебрасывал мяч через себя и противника, затем резко разворачивался и на скорости убежал. Здесь очень важно выполнять прием неожиданно, чтобы застать врасплох и защитника, и вратаря.

Моим любимым ударом был также удар с полулета. Применял я его обычно, находясь в зоне центральной тройки. Ждал подачу с краев и тут же после отскока мяча от земли производил удар подъемом.

Ну, и конечно, юным футболистам необходимо научиться разнообразным обманным движениям. Специалисты отмечали, что, «обладая изумительной подвижностью», я владел «неисчерпаемым арсеналом неповторимых, выработанных самим, поистине уникальных, до сих пор никем не превзойденных приемов» (С. Рудницкий, «П. Т. Дементьеву — 60 лет» // «Футбол», 1973, № 3).

Действительно, обманных движений в моем арсенале было огромное количество, многие из них до сих пор не применяет никто ни за рубежом, ни у нас. Еще Михаил Бутусов отмечал, что я впервые в истории мирового футбола применил двусторонние обманные движения. Насколько они эффективны, рассказывал в своей книге ленинградский вратарь Леонид Иванов: «Сколько оживления и радости на трибунах вызывали блестящие финты этого мастера, когда казалось, что Защитники вот-вот остановят маленького Пеку, но тот в последнюю долю секунды, как угорь, проскальзывал между ними. Защитники сталкивались друг с другом и падали под хохот зрителей». (Л. Иванов // «В воротах «Зенита», Лениздат, 1987).

Михаил Сушков, писал, что я мог так замотать игрока, что он падал. Приведу еще один пример двустороннего финта. Противник движется навстречу. Я делаю движение корпусом (вправо или влево) и ногу (небьющая нога все время находится у мяча), не касаясь мяча, переношу через мяч, будто веду его (опять же вправо или влево). Соперник бросается вправо (влево), а я ухожу влево (вправо). Если мой визави среагировал на маневр, я наклоняю корпус влево без мяча. Соперник тоже пытается повернуть. Я же спокойно ухожу от него. Это, так сказать, финт психологического порядка. Думается, что хороший футболист должен быть и тонким психологом.

Вот другой пример такого обманного движения, эффективность которого poznали на себе мои соперники:

«Был у него, к примеру, излюбленный маневр: следуя на полной скорости к воротам противника, вдруг остановить мяч, а самому продолжать бег. Преследователь по инерции мчался следом, а Пека вдруг, точно вкопанный, останавливался, возвращался назад и, овладев мячом, начинал новую атаку. Всем было хорошо, известен этот маневр, все, кажется, были к нему готовы и всякий раз на него попадались». Так описал мой прием Михаил Якушин, испытавший это на себе. А вот другой игрок из московского «Динамо» — Василий Трофимов вспоминает, что таким образом мне удавалось запутывать не одного, а сразу по пять-шесть соперников, гурьбой бегавших за мной от одной половины поля к другой.

Приведу еще несколько примеров обманных движений, которые я любил применять. Впрочем, некоторые и не вспомнить — во-первых, потому, что их было, у меня огромное количество, а во-вторых, потому, что часто они рождались в процессе самой игры в зависимости от ситуации на поле и действий соперников. Но все же приведу те, которые еще помню, и даже придумаю им название, чтобы легче было понять их суть.

«Нога, как стенка». Веду мяч. Навстречу движется соперник. В метре от него делаю замах правой ногой и внутренней стороной правой стопы бью мячом в левую стопу. При таком замахе мяч должен был бы идти влево, а на самом деле движется вправо, так как отскакивает от левой стопы, как от стенки.

Другой вариант этого финта. На меня летит мяч. Я вижу, что партнер, желающий получить от меня пас, делает рывок к воротам. Но он в этот момент закрыт. Тогда я в прыжке бью подъемом по находящемуся в воздухе мячу и сразу же поднимаю небьющую ногу. Удар рассчитываю так, чтобы мяч попал во внутреннюю сторону голени небьющей ноги. Спина при этом отклонена назад, мышцы небьющей ноги расслаблены, поэтому мяч не отлетает от нее, а остается у меня. Приземляюсь на бьющую ногу.

«Обход противника с мячом». Иду с мячом на скорости. Навстречу движется соперник. Подхожу к нему почти вплотную. Во избежание столкновения со мной он вынужден отклониться. В этот момент пробрасываю мяч за него вправо (или влево), а сам обхожу слева (или справа). Этот элемент обязательно выполняется на скорости. Здесь очень важно рассчитать проброс мяча, чтобы противник не успел его перехватить, и выполнять его скрытно и одновременно мягко, чтобы не отпустить мяч далеко от себя.

Нечто похожее выполнял тбилисский динамовец Михаил Месхи. Как-то я смотрел игру сборной СССР о его участием. Месхи тоже делал обход противника с мячом. Он шел поперек поля, ведя мяч внешней стороной стопы и уводя за собой противника. Когда противник с ним сблизился и хотел отнять мяч, Месхи внутренней стороной стопы на скорости пробросил мяч вперед влево, а сам обжег противника и снова овладел мячом. Но, по моим наблюдениям, такой финт прошел у него только один раз. При выполнении этого приема надо очень хорошо видеть поле и противника. Очевидно, у Месхи подобное качество было развито недостаточно. Поэтому при повторном выполнении приема действия Месхи довольно легко разгадывались соперниками.

«Оставить мяч в поле партнеру». Такие ситуации в игре возникают довольно часто. Как это происходит? Футболист движется с мячом. Перед ним несколько соперников, позади — неприкрытый партнер. Ему-то и следует оставить мяч для удара по воротам. Здесь важно иметь хорошее взаимопонимание с партнером.

Другой вариант обманного движения. Футболист продвигается в штрафную площадь поперек поля, уводит за собой соперника и неожиданно для него оставляет мяч партнеру. Соперник продолжает движение за нападавшим, а его партнер набегает и бьет по воротам.

«Оставить партнеру катящийся вслед мяч». С помощью такого приема мне, например, часто удавалось обманывать защитника команды ЦСКА Николая Палыску, который, по замыслу тренера команды Бориса Аркадьева, обычно опекал меня в наших играх с армейцами. Я веду мяч на скорости, Палыска рядом. Оставляю мяч, который катится за мной, а сам продолжаю бежать. Палыска по инерции движется за мной, не

глядя на мяч. Тогда я ему кричу: «Ну что ты бежишь за мной, мяч-то сзади!» Он поднимает голову. В этот момент я останавливаюсь и пропускаю мяч между ногами и свободно ухожу с ним от Палыски.

Еще был у меня такой финт. Соперник стоит. Я с мячом продвигаюсь на скорости прямо на него. В момент сближения, когда он вытягивает ногу, чтобы отобрать мяч, убираю его подошвой под себя — в сторону (вправо или влево) и ухожу с мячом от соперника.

«Откидка мяча партнеру». Такой финт любил выполнять Пеле. Для этого он переносил ногу через мяч, наклонял туловище влево и внешней стороной стопы откидывал мяч партнеру вправо. В отличие от Пеле, я просто, без переноса ноги, тоже откидывал мяч партнеру вправо внешней стороной стопы, а сам обегал противника слева. Партнер снова отдавал мяч мне, и я на скорости делал рывок и проходил дальше к воротам. Здесь перенос ноги через мяч (как у Пеле) — движение лишнее, так как соперник может уже разгадать маневр.

Обманные движения удаются тем футболистам, которые способны предугадывать намерения партнеров, хорошо ориентируются на поле при ведении мяча, умеют открываться и читать мысли соперника. К примеру, видя, что в случае приема летящего мяча находящийся рядом соперник может сделать накладку и нанести травму, следует по мячу не бить, а сделав «ложный» замах, тут же убрать ногу и пропустить мяч партнеру.

«Рывок-остановка». Делаю рывок с мячом, затем внезапно останавливаюсь, снова делаю рывок с мячом и вновь останавливаюсь, а соперник как бы по инерции проскакивает. Эти элементы чередуются до тех пор, пока соперник не оказывается в заблуждении. Для эффективного выполнения приема надо обладать, конечно, взрывной скоростью и уметь резко тормозить. Останавливать мяч следует подошвой.

Финты выполняются, разумеется, в зависимости от игровой ситуации. К примеру, футболист находится в пределах штрафной площадки, а рядом с ним — соперник, на помощь которому спешит еще один, оставляя свободным своего подопечного — моего партнера. Ни о каких финтах не может быть и речи — тотчас же необходимо передать мяч товарищу.

Многие современные футболисты пытаются выполнить финты, но нередко терпят при этом неудачу. И чаще всего потому, что делают это, стоя на месте: подолгу «танцуют» с мячом перед соперником, причем, как правило, на значительном расстоянии, пытаясь запутать его непрекращающимся каскадом движений. В результате такой «финтарь» запутывается сам и теряет мяч.

Финт надо выполнять на большой скорости. В этом случае, когда подходишь к сопернику вплотную, он обязательно останавливается. Вот тут-то и предоставляется возможность легко убежать от него с мячом. Моей практикой подтверждается, что на скорости надо выполнять очень многие финты, идя на соперника «в лоб». Тогда ему трудно предугадывать намерения нападающего, а значит, и готовиться к отбору мяча.

У многих современных футболистов финты не получаются чаще всего потому, что подводит неверный выбор начала выполнения. И если соперник даже попадает на уловку, то успевает обрести потерянное равновесие и оказывается готовым к продолжению борьбы. Кстати, очень важно с детства тренировать умение владеть телом, чтобы самому сохранять равновесие при выполнении различных обманных движений.

Для разучивания финтов нужно освоить прежде всего ведение мяча на скорости с разнообразными остановками, убирая мяч под себя и в сторону, откидку мяча внешней стороной стопы. Я очень любил такое упражнение: ведение внутренней стороной стопы вокруг стойки, а затем внешней стороной — по прямой.

Вести мяч внешней стороной стопы надо мягко, как бы поглаживая его, так, чтобы он не уходил от ноги. Голова при этом должна быть поднята, глаза устремлены вперед или в сторону. Важно хорошо уметь вести мяч и внутренней стороной стопы. Для этого можно применять упражнение с ведением поочередно правой и левой ногой по диагонали.

Ведение мяча подошвой отрабатывают так. Бьешь подошвой по мячу (как рукой по баскетбольному при дриблинге) и таким образом продвигаешься с ним вперед, а затем в нужный момент бьешь либо с полулета, либо по летящему мячу.

Выполнять удар по мячу, находящемуся в воздухе, можно следующим способом. Получив от партнера сильный пас низом, следует поднять пятку и принять мяч на носок. Мяч по голени, бедру, туловищу доходит до уровня плеча и остается в воздухе. В этот момент необходимо развернуть корпус и подъемом внутренней стороны стопы ударить по мячу с разворотом корпуса на 180 градусов.

Немногие владеют таким важным техническим элементом, как мягкая остановка мяча в воздухе на подъем. А ведь он позволяет лучше видеть игровую обстановку и мгновенно принимать решения.

Часто при отборе мяча современные футболисты применяют подкат. Такой прием использовался и в довоенные годы защитниками и полузащитниками при атаке нападающих сзади. А один грузинский футболист практиковал подкат в современной манере: шел, что называется, прямо в лоб, «на снос» и в падении обеими ногами выбивал мяч. Сразу оговорюсь, я против подката в любом исполнении и не советую игрокам им увлекаться. Уверен, что этим приемом пользуются футболисты, не умеющие отобрать мяч без нарушений правил. Этот грубый элемент игры очень часто приводит к травме не только атакуемого игрока, но и самого выполняющего подкат.

В каждом матче ко мне обычно прикрепляли персонально одного, а то и двух опекунов, которые боролись со мной самыми разными средствами. Дело доходило до курьезов. Помню, в 1940 году проходила товарищеская встреча ленинградского «Зенита» и ЦДКА. Молодой тогда полузащитник Анатолий Тарасов, обладавший, видимо, большим чувством юмора, применял против меня элементы некоей «психологической» атаки: стоя на месте, выставлял вперед ногу, надувался и устрашающе фыркал, стараясь меня испугать. Конечно, такой прием только смешил. Но это был самый безобидный ход. Меня всегда держали, толкали, били по ногам, ставили подножки, валили на газон любыми средствами, но когда сбивали, я не катался по полю, а вскакивал и снова включался в игру. Грубость никогда не вызывала у меня желания ответить тем же, так что за долгую спортивную карьеру я не получил ни одного замечания от судей. Несмотря на жесткую опеку, играл без щитков, ибо считал, что ничто не должно мешать чувствовать мяч. На подножки и удары внимания не обращал, потому что с детства воспитывал в себе умение терпеть боль.

Пользуясь случаем, хочу уважить просьбу нашей знаменитой пловчихи Клавдии Ивановны Алешинной: напомнить современным футболистам, как надо вести себя на поле. Ее очень возмущало, что они, забив гол, целуются, обнимаются, прыгают, по ее выражению, «как козлы друг на друга». Иными словами, просто ведут себя не по-мужски. Мы проявляли на поле сдержанность, считая, что футбол — это мужская игра. Забив гол, так бурно не выражали эмоции, видя в этом признаки дурного тона. У нас, как правило, не было злобы к сопернику. Самоуважение не позволяло касаться мяча руками — это говорило о плохом владении мячом. Проигрывать всегда старались достойно и не считали себя при этом обиженными. Главное, надо было делать игру красивой и интересной для зрителей.

В заключение несколько слов о режиме и спортивной дисциплине. Хорошо помню слова некоторых недоброжелателей, сказанные в молодости в мой адрес: «Вот будет пить, курить, растолстеет — и пропадет игра!» Но я помнил завет отца: «Хочешь быть хорошим футболистом — не пей и не кури!» И эти простые правила я выполнял всю жизнь, даже пива не пил. Старался соблюдать и режим питания. И конечно, очень добросовестно относился к тренировкам. За день до матча к мячу даже не прикасался, в день игры — то же самое. По окончании встречи, к вечеру, проводил легкий кросс. На следующий день шел париться в баню, отдыхал, а потом снова тренировки...

И последнее. Крепко дружите с футбольным мячом. Это — залог возрождения высокотехнического футбола с яркой индивидуальной игрой.
Успехов вам, мои юные друзья!